

PK
K89

Эльвира Кузнецова

11559-к

НАЧАЛО ПУТИ

Национальная библиотека ЧР

k-011559

11559

1. БНС ✓ ВЕРДО
K P2 K89

ЭЛЬВИРА КУЗНЕЦОВА

НАЧАЛО ПУТИ

Документальная повесть

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕБОКСАРЫ. 1979

P2
K89

Обязат. экз. 1

Кузнецова Э. Ф.

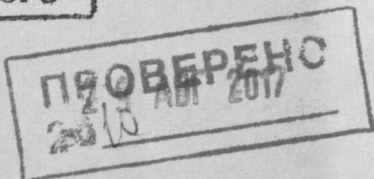
Начало пути. Документальная повесть.
Чебоксары, Чувашское книжное издательство,
1979 г.

128 с.

Повесть рассказывает о детских и юношеских годах Никиты Яковлевича Бичурина (Иакинфа Бичурина), выдающегося ученого-востоковеда, блестящего публициста, друга А. С. Пушкина и декабристов.

M 11559 - K

Чувашская
республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. ГОРЬКОГО

К 0732-067
М 136(03)79 73-79 г.

© Чувашское книжное издательство, 1979 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

— Дедушка, подарите мне четки!

— Мала ты еще, Наденька, — отец Иакинф встал с кресла и заходил по комнате. Было видно, что он взволнован. — Разума-то не набрала совсем...

— Но вы же обещали, дедушка! Я буду беречь их.

— Ну, ладно уж, ладно. Может, мне и жить-то осталось недолго...

Отец Иакинф снова сел в кресло. Сняв четки, он поцеловал их и с грустью сказал:

— Запомни крепко мои слова! Был у меня сердечный друг, сослали его в Сибирь. Там, на каторге, он и сделал сам эти четки из своих оков... Поняла теперь, почему они мне так дороги? С тех пор, как он мне их подарил, я никогда, ни на одну минуту не расставался с ними.

— А кто этот друг?

— Николай Бестужев, декабрист...

Так вспоминает в конце прошлого века Надежда Степановна Моллер* о своем родственнике — Никите Яковлевиче Бичурине, в монашестве — отце Иакинфе.

Казалось бы, что может связывать столь разных людей: декабриста Николая Бестужева, которого Герцен называл «одним из лучших, самых энергичных действующих лиц великого заговора», и монаха?

---

* Н. С. Моллер — внучка А. В. Карсунского, двоюродного брата Н. Я. Бичурина.

Однако их связывала многолетняя сердечная дружба.

В краеведческом музее города Кяхты висит старинный акварельный портрет. Его написал декабрист Николай Бестужев. С портрета на нас смотрит человек, в облике которого мы сразу ощущаем что-то глубоко своеобразное, волнующее, выходящее за рамки обычного. На нем шелковый темно-коричневый подрясник. Это монах. Но как мало соответствует его облик нашим представлениям о смиренной монашеской жизни! Смуглое скуластое лицо с высоким открытым лбом привлекает энергией. В живых раскосых глазах чувствуется ум — ум ученого, мыслителя, исследователя.

Кто же этот человек?

На портрете изображен Никита Яковлевич Бичурин (1777—1853) — выдающийся ученый-востоковед, блестящий литератор, неутомимый путешественник, человек многогранных дарований, необыкновенного трудолюбия, мужества и обаяния.

Труды Бичурина по истории, экономике, географии, культуре Китая, Монголии, Маньчжурии и других стран Восточной Азии прославили его имя не только в отечественной, но и мировой науке. Он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук, действительным членом Азиатского общества в Париже. Четыре раза Академия наук присуждала ему самую высокую научную награду того времени — Демидовскую премию...

Современники говорили о нем: «Отец Иакинф один сделал столько, сколько может сделать целое научное общество».

Он был не только выдающимся ученым, но и талантливым литератором, журналистом, человеком передовых взглядов. Его выступления называли «украшением современной журналистики». Белинский ука-

зывал на его работы как на «самое утешительное и отрадное явление».

Четырнадцать лет прожил он в Китае, куда был направлен с духовной миссией. За это время в совершенстве изучил язык, историю и культуру страны, которой впоследствии посвятил большую часть своих научных исследований.

Бичурин прожил долгую, полную не только восторженных признаний, но и трудную, во многом трагическую жизнь.

Глубокий ум, обширные, поистине энциклопедические познания сочетались в нем с характером борца, доброта и сердечность — с непримиримостью к подлости и лжи.

Обстоятельства, оставшиеся для нас неизвестными, заставили его в молодости принять монашество, которое не подходило ему ни по сердцу, ни по духу, ни по характеру. Оно тяготило его всю жизнь. Современники называли его «вольнодумцем в рясе». Н. С. Моллер пишет, что он никогда не ходил в церковь и «не был похож не только на монаха, но даже просто на духовное лицо».

Характер Бичурин плохо укладывался в серые монотонные рамки монашеского обихода. Еще в молодости за нарушение монашеского устава он был переведен в Тобольск — город, в который когда-то был сослан «неистовый протопоп Аввакум», в котором, проезжая в Илимск, долго жил А. Н. Радищев. Более трех лет Бичурин томился на острове Валааме, куда был сослан по несправедливому доносу.

Последние годы он прожил в Петербурге при Александро-Невской лавре.

По воспоминаниям современников, это был человек, поразительная талантливость, широта интересов, своеобразие и оригинальность натуры которого привлекали к нему всеобщие симпатии и внимание.

Он часто бывал в салоне известного писателя, философа и ученого В. Ф. Одоевского, где постоянно собирались все талантливые и интересные люди того времени. Бичурин был дружен и близок с большинством из них. Историк М. П. Погодин в своих воспоминаниях об Одоевском пишет: «Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими сузившимися глазками...»

Среди близких друзей Бичурина был А. С. Пушкин. В библиотеке поэта и сейчас хранятся книги Бичурина с дарственными надписями. Пушкин был хорошо знаком с его трудами и высоко их ценил, о чем сам пишет в примечаниях к «Истории Пугачевского бунта». Под влиянием рассказов ученого у Пушкина пробудился интерес к Востоку, и он просит высочайшего соизволения «посетить Китай с посольством, которое туда отправляется». Экспедицию, которая собиралась в Китай, сопровождал Бичурин.

Будучи в Забайкалье, «беспокойный монах» навестил декабристов и подружился со многими из них. Но особенно крепкая дружба связывала его долгие годы с декабристом Николаем Бестужевым.

Основным содержанием жизни Бичурина был труд. И в Тобольске, и в далеком Китае, и на острове Валааме, и в Петербурге—всюду мы видим одну и ту же картину: склоненная над рукописями фигура, горы книг, чертежей, карт. Работа и работа...

Что же заставляло этого человека трудиться столь усердно и настойчиво, изо дня в день, не зная усталости?

Неутолимая страсть к познанию, преданность науке, но главное—любовь к отечеству и желание быть ему полезным. Свой долг перед родиной он видел в служении науке.

На кладбище Александро-Невской лавры до настоящего времени сохранилось надгробье Бичурина.

Оно так же необычно, как была необычна жизнь этого человека. На черном обелиске китайскими иероглифами сделана надпись — краткая и выразительная: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими его славу историческими трудами».

... Более двадцати лет прожил Н. Я. Бичурин в Поволжье (1777—1802). Здесь он сделал первые шаги в жизнь, здесь формировался его характер, здесь начиналась его сознательная творческая жизнь.

Бичурин родился в селе ~~ст.~~ Акулево Чебоксарского уезда Казанской губернии. Его отец — Яков Данилов, прослуживший большую часть жизни священником в селе Бичурино того же уезда, был чувашом, мать — русской.

Село Бичурино было для Никиты родным. С ним связаны его детские годы, с ним связаны и многие впечатления юности, так как, учась в Казанской духовной семинарии (позднее — академии), он каждое лето приезжал к родным на каникулы. По названию этого села, как часто было принято в те времена в духовных училищах, ему дали фамилию.

С детских лет Бичурину была хорошо знакома забитая, голодная, горемычная жизнь чувашской деревни того времени. И, может быть, именно под влиянием рассказов и воспоминаний Бичурина у Пушкина появился интерес к чувашскому народу. Известно, что в 1833 году, собирая материалы о Пугачеве, он заезжал в чувашские деревни. В пропущенной главе «Капитанской дочки» он описывает старика-чуваша, повешенного вместе с русскими.

Бичурин горячо любил родные места и никогда не забывал их. Он продолжал переписываться с друзьями, оставленными в Поволжье. Подарил и завещал Казанской духовной академии свой портрет и большую часть книг, рукописей, коллекций — самое дорогое и близкое его сердцу.

За несколько недель до смерти он вспоминает своих родителей: мать—Акулину Степановну и отца— «иерея Иакова», могилы которых остались в Чувашии.

В 1977 году отмечалось двухсотлетие со дня рождения Н. Я. Бичурина.

Предлагаемая повесть рассказывает о детских и юношеских годах Бичурина, прошедших в Поволжье.

ЕСЛИ БЫ НАШЕЛСЯ СМЕЛЬЧАК...

Проснувшись рано утром, Никита наскоро поел и, как всегда, побежал к своему другу Пикмету.

— Э-эй, Пикмет!

Но никто не ответил.

Никита сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул.

По-прежнему никого.

Никита с недоумением посмотрел вокруг: и развалившийся забор, и старая покосившаяся изба — все на месте. А Пикмета нет.

И вдруг ему показалось, что из избы доносятся какие-то странные звуки: не то плач, не то крик. В одно мгновение перемахнув через забор, Никита вихрем пролетел по двору и очутился в избе.

Сквозь маленькое, затянутое бычьим лузырем оконце свет едва пробивался. А после яркого солнца Никите показалось здесь еще темнее. Напряженно всматриваясь в полумрак, он увидел стоящего посередине избы Пикмета. Не замечая ничего вокруг, он размахивал изо всех сил руками и угрожающе выкрикивал:

Ты со мной не спорь —

Уходи-ка хворь!

Убирайся вон!

Пошла, пошла —

Откуда пришла!

Тьфу, фу-фу!!!

Погрозив кому-то кулаком, Пикмет продолжал с новой силой:

Если с ветром пришла,

С ним обратно лети!

Если....

— Пикмет!

— Ай!— испуганно вскрикнул Пикмет. Но узнав Никиту, тут же успокоился.

— Ты чего делаешь-то?— почему-то шепотом спросил Никита.

— Чего надо, то и делаю!— буркнул Пикмет.

— А чего надо?

— Болезнь прогнать — вот чего!

Узкие, как щелочки, черные глаза Пикмета смотрели сердито. Он повернулся и, не сказав больше ни слова, пошел к нарам. А Никита за ним.

На нарах, покрытый рваным кафтаном, лежал Тимми. Лицо у него было красное. Он тяжело и хрипло дышал.

«Совсем как старик»,— подумал Никита.

— Плохо ему. Меня не узнает,— тихо сказал Пикмет и вдруг жалобно всхлипнул и проговорил:— В прошлом году Мадусь такая же была...

— Мадусь же совсем маленькая была, слабая!

— А Тимми? Он тоже слабый! Ему молоко надо пить, а поп Петр корову у нас хочет забрать!

— Почему?

— Ясно почему — за долги! Мы у него денег брали, чтобы подати заплатить, а он теперь требует вернуть в десять раз больше. Лошадь забрал, кур забрал... Последнюю рубаху готов с плеч стянуть... Э-эх, если бы мужицкий царь Пугачев сейчас жив

был, — мечтательно протянул Пикмет, — хорошо было бы...

— А почему хорошо-то?

— Как почему? Всем ясно! Пришел бы он к нам в село Бичурино и повесил бы отца Петра. Он в первую очередь всегда попов вешал!

Никита испуганно вытаращил глаза.

— Чего это у тебя глаза стали круглые, как у коровы?! А-а...— Пикмет стукнул себя кулаком по лбу.— Я и забыл, что твой отец — тоже поп!

— Мой отец хороший!

— Отец Яков хороший — это верно, — кивнув головой, согласился Пикмет и великодушно добавил:— Его, может, и не повесили бы...

— Мать говорит: терпеть надо!

— Терпеть?!— возмутился Пикмет и презрительно сплюнул.— Тьфу! Мал ты еще, чтоб указывать-то мне!

— Почему ж мал?— возмутился Никита.— Мне скоро девять, а тебе — двенадцать! Велика ли разница? Я в этом году в семинарию поеду!

— Ну вот и терпи в своей семинарии! Говорят, живется-то там не очень сладко. А у нас в доме скоро и терпеть будет некому. Почти все померли от голода и болезней.

— А где дядюшка Синер? Где тетушка Ирнике?— вдруг с удивлением спросил Никита, оглядывая избу.

— Отец хлев чистит у попа Петра, а мать побегала к бабушке Шерлике.

— Зачем?

— Чтобы бабушка пришла Тимми лечить. Разве ты не знаешь? Моя бабушка все болезни лечит! Ведь это я от нее научился, — Пикмет гордо посмотрел на Никиту.

— Так она вылечит Тимми?— с надеждой спросил Никита.

— Может, и вылечит,— в голосе Пикмета уверенности не было. Он вдруг замолчал и с беспокойством посмотрел в сторону братишки.

Тимми приподнялся на нарах и, испуганно глядя на них такими же, как у Пикмета, черными раскосыми глазами, зашелся сухим непрерывным кашлем. Он кашлял и кашлял, не успевая перевести дыхание, содрогаясь всем своим худым телом.

Пикмет трясущимися руками торопливо налил в ковш воды и подбежал к Тимми.

— На, Тимми, попей! Легче будет.

Тимми нехотя глотнул, лег на бок и жалобно застонал.

— Ой-ой, Пюлех*,—входя в избу, запричитала тетушка Ирнике,— и за что нам такая беда, Пюлех?!

— А где бабушка?

— Да стара ведь бабушка-то. Голова у нее сильно разболелась, кружится. Не может прийти.

— Тогда бы Майпике привела. Она еще лучше лечит!

— А кто с бабушкой останется?

— Дядя Акташ!

— Акташ в лесу спрятался. Говорят, сборщики податей вот-вот приедут. Платить-то ему нечем. А с него, ты же знаешь,— особый спрос. Ведь он с Пугачевым сражался. Сколько раз пытали его, сколько били — чуть жив остался... Теперь калека. Вся спина в рубцах, хромает... Если снова бить будут, не выдержит ему...

Тревожно поглядывая на больного сына, тетушка Ирнике подошла к очагу и принялась его разжигать.

— А как же мы Тимми будем лечить?— настойчиво продолжал спрашивать Пикмет.— Разве бабушка не сказала?

---

* Пюлех — (чув.) доброе божество.

— Сказала, сказала! Велела для Тимми липовый цвет заварить и чесноку побольше давать... Ой-ой, Пюлех, что же теперь с нами будет?— снова запричитала тетушка Ирнике, и по ее щекам потекли слезы.

— Эх!— с досадой махнув рукой, воскликнул Пикмет.— Только в сказках, видать, храбрецы остались! Вот если бы нашелся смельчак...

— Ну и что?— дернув его за рукав, нетерпеливо спросил Никита.— Чего замолчал-то?!

— А чего говорить? Такого смельчака у нас еще до сих пор не находилось. Кто ж это решится — вбить осиновый кол в спину старого Харамзы?!

— А зачем вбивать-то? Что тогда будет?

— Тогда? Все хорошо будет! Тимми сразу поправится. Поп Петр перестанет бить отца. А сборщики податей вообще к нам не приедут!

— Да ну?! А кто этот Харамза?

— Не приставай!

— Не хочешь — не говори!— обиженно сказал Никита.— И без тебя все узнаю!

— Ишь, чего захотел! Как бы не так! Ничего не узнаешь. Ведь это страшная тайна!

— Узнаю!

Рассердившись на друга, Никита повернулся и решительно зашагал из избы.

— Ну, ладно уж, не злись!— закричал ему вслед Пикмет.— Погоди маленько — расскажу! Вот только сейчас мне болтать с тобой некогда — надо матери помочь!

КОЛДУН ХАРАМЗА

Уйдя от Пикмета, Никита места себе не находил. Ни на речку, ни в лес идти не хотелось. Вернувшись домой, он слонялся без дела. То в избу заглянет, то по

саду бродит и все думает: «Кто же такой этот Харамза?»

В воротах, не замечая его, стояли матушка с соседкой, женой дьякона Семена Михайлова.

— А ты, матушка, за ворота нынче остерегайся выходить,— разносился по всему саду пронзительный голос дьяконицы,— отец Петр с утра хмельной... По дворам шатается, кричит нехорошим голосом да плетью размахивает. Норовит каждого ударить...

— Чего мне-то бояться?— удивилась матушка.

— Не любит он все ваше семейство.

— Верно, не любит,— погрузнев, согласилась матушка.— И почему, казалось бы? Ничего дурного никто из нас ему не сделал...

— А разве его поймешь? У такого человека всякие причины найдутся. Вот, к примеру. Ему, может, обидно, что его, первого священника, и за человека никто не считает, а отца Якова, хотя он и второй, все уважают. Или вот возьми другое: твой сын, совсем мальчонка, а читать и писать умеет. Да как еще умеет — никто с ним в селе не сравнится. А поп Петр из семинарии сбежал — учиться, видать, ему было не по плечу!

— Разве ж это причины?

— Для него-то? Конечно, причины! Ведь каждому человеку хочется, чтобы его уважали. Даже самому пропащему. А за что уважать отца Петра? Вечно пьяный, чуть что — кулаком в зубы! У самого бедного мужика готов последний кусок хлеба изо рта вырвать... А ведь и родитель его, царство ему небесное, отец Прокопий точно таким же зверем был. Людей собаками травил... Помнишь?

— Мы в ту пору в Акулеве жили. Но про отца Прокопия слышали, конечно. Много про него слухов ходило. Особенно после того, как убили его...

— Убили, матушка. Свои же попы и убили...

Видать, им тоже неведомо стало. А уж сколько мужики жаловались на Прокопия, сколько челобитных писали...

— На отца Петра тоже, говорят, пишут. Непохоже, однако, чтоб он этого опасался.

— Точно, матушка, строчат на него. Моему дьякону пьяный канцелярист из Чебоксар как-то рассказывал, что писал бумагу для наших-то мужиков. Просят они передать приход отцу Якову. Велели написать про него, что он человек добрый, не пьяница, не клеветник, поведения честного да и нашему чувашскому языку весьма заобыкновенен...

— Что толку-то от этих челобитных? Вон, сказывали мне тут на днях, пьяный поп без всякой вины мужика убил... За то лишь, что тот отказался своего сына крестить... Так прихожане со своей жалобой не только до консистории, до самого Синода дошли. И что же ты думаешь? Жалобщиков и наказали... избили плетью до полусмерти.

— И-и, матушка, правды нигде не сыщешь... Ну, побегу, а то у меня Ванюша еще не кормлен. Да и ты погляди-ка на своего Никиту! Приметила я, что-то уж очень скучный он у тебя по саду бродит.

Дьяконица ушла.

— Ты чего это загрустил?— подошла к Никите матушка.— И друга твоего Пикмета что-то не видно. Не случилось ли чего?

— Тимми заболел! Без памяти лежит!

— Ой, бедная Ирнике!— всплеснула руками матушка.— У них, верно, и еды-то никакой в доме не осталось. Возьми-ка вот хлеба да яичек, снеси им.

Матушка достала небольшую корзинку и положила туда еду.

— Ну, беги скорее!

Обрадовался Никита. Помчался к Пикмету быстрее ветра.

Тетушка Ирнике, взяв еду, погладила его по голове и сказала:

— Передай матушке своей Акулине Степановне спасибо. Доброе у нее сердце...

А Никита горящими от нетерпения глазами уставился на Пикмета: когда расскажешь про Харамзу?

— Дай хоть хлеб-то прожевать,— без слов поняв вопрос друга, ухмыльнулся Пикмет.— И чего ты такой любопытный?— дожевав на ходу, проговорил Пикмет.— Ладно уж! Пойдем во двор — там расскажу.

Во дворе Пикмет тревожно посмотрел по сторонам и, нагнувшись к Никите, таинственно зашептал:

— Харамза когда-то мельником был. Но все знали, что он колдун. Боялись его. А он только и радовался, только тем и жил, когда в деревне какая-нибудь беда случалась. На кого взглянет, бывало, своим злобным глазом — тот и заболит! Долго калечил он людей, а когда сам стал умирать, велел похоронить себя в лесу... Помнишь, за старым дубом небольшой холм? Ну, там, где киреметь?*

Никита кивнул.

— Это и есть его могила! Только знаешь,— Пикмет снова понизил голос,— ведь он вовсе и не умер!

— Как это не умер?

— Когда начинают цвести луга, Харамза оживает и выходит из могилы... Лицо у него черное, губы синие, а глаза, как угли, горят!

Скачет он по лесу,
Лязгает зубами,
Тянет свою руку
С острыми когтями...

---

* Киреметь — (чув.) злой дух, а также огороженное забором место, служащее для общественных молений и жертвоприношений.

Пытаясь изобразить Харамзу, Пикмет оскалил зубы, вытаращил глаза и, растопырив пальцы, протянул руку прямо к лицу Никиты:

— У-у-у!!!

— Не боюсь я твоего Харамзу-у-у! — передразнил его Никита.

— Чего дразнишься-то?

— А сам чего?

— Ишь, смельчак нашелся!

— Пикмет!

— Чего еще?

— А как осиновый кол вбивают?

— Ну, что ж, послушай, раз уж ты такой храбрый! Как только наступает полночь, Харамза начинает ворочаться в могиле. Вот тут-то и надо вбить в него осиновый кол!

— И что? Тимми будет здоров?

— Конечно!

— Это точно? — Никита подозрительно посмотрел на друга.

— Не веришь?!

Пикмет стремительно нагнулся и, схватив рукой комок земли, положил его в рот. Весь сморщившись, он пожевал и, судорожно глотнув, гордо сказал:

— Видал?! Клянусь тебе самой верной клятвой — землей! А ведь ты знаешь, кто после этой клятвы сохнет, тот почернеет, как эта земля, засохнет и умрет!

В ЛЕСУ

Никита сразу решил: время терять нельзя. Этой же ночью он отправится в лес, к могиле Харамзы.

Долго возился он во дворе — отесывал осиновый кол маленьким топориком, который подарил ему де-

душка Данила. А когда все было готово, спрятал топорик и кол под крыльцо.

Еле дождался Никита вечера. Залез на полати, а там его ждали младшие сестренки: Танюшка и Матрешка. Танюшка такая же скуластая и черноглазая, как Никита, а Матрешка — воя в матушку: светловолосая, синеглазая, румяная.

— Никита! Расскажи сказку!

— Ш-ш! Никаких сказок!

— Расскажи! А то заревем!

— Спите лучше. А то вот схватит вас Харамза и съест!

— Ой-ой, какой Харамза?!— испуганно запищали сестренки.— Расскажи про него!

Но Никита повернулся на бок и притворился спящим. Сестренки покрутились немного и затихли.

Лежит Никита с открытыми глазами. Бойтся уснуть — тогда все пропало. Смотрит в темноту, слушает...

Откуда-то издалека донесся унылый вой собаки. Страшно. Но он старается об этом не думать. Ведь дед Данила, когда они к нему в Акулево приезжают, всегда говорит: «Коли день и ночь дрожать, то удачи не видать!»

Никита осторожно пошевелился: «Пора, пожалуй». Потихоньку, стараясь никого не разбудить, спустился с полатей на пол. Снова прислушался. Тихо. Прошел на цыпочках в сени. И вот он уже во дворе. Ярко светит луна, высоко в небе таинственно мерцают прекрасные далекие звезды...

Достав из-под крыльца топорик и осиновый кол, Никита вышел за ворота и решительно зашагал по дороге.

Вот и лес вырос перед ним огромной черной стеной. Днем он совсем не такой. Днем здесь знакома

каждая тропинка. Но сейчас все вокруг кажется чужим.

Никита остановился в нерешительности: идти дальше или нет? Но тут же представил, как удивятся и обрадуются все, когда Тимми станет здоровым! А Пикмет хлопнет его по плечу и скажет: «Маттур!»*

Никита выпрямился, расправил плечи и снова храбро зашагал вперед. Из непроглядного лесного мрака неслись какие-то таинственные звуки. Казалось, кто-то невидимый пробирается среди деревьев. Вдруг совсем рядом хрустнула ветка и явственно послышалось чье-то тяжелое дыхание. Никита задрожал всем телом. Ему почудилось, что он видит среди деревьев огромное черное лицо с горящими глазами... Харамза!

Никита не выдержал. Зажмурив глаза, он крепко обнял руками дерево и замер, боясь пошевелинуться.

Что-то сильно зашуршало, затрещало совсем близко. Никита плотнее прижался к дереву. «Никита,— послышался ему тихий голос,— не бойся. Это я, Пикмет!»

Никита открыл один глаз и увидел рядом с собой темную фигуру. Не помня себя от ужаса, он вскинул топорик и крикнул срывающимся тонким голосом:

— Уходи! А то как стукну!

— погоди стукать! Возьми-ка вот лучше!

Никита почувствовал, как у него в руках оказались какие-то ветки.

— Держишь? Это ягоды рябины. Положи к себе за пазуху. Ну, что стоишь, как столб?! От нечистой силы только одно средство — рябина!

Так это и вправду Пикмет!

Никита оживился.

— А как ты догадался, что я в лесу?

---

* Маттур — (чув.) молодец.

— Меня к вечеру прямо стукнуло — ведь пойдет, думаю, в лес! Так и вышло. Эх, ты... Что ж ничего не сказал-то?

Никита очень обрадовался. В лесу сразу стало не так страшно.

— Давай-ка мне свой топор. А то тебе тяжело. И пойдем скорее. Вон уже старый дуб виднеется, а там близко.

И друзья зашагали вместе.

Но вот лес поредел. Они вышли на небольшую полянку. Серебристый холодный свет струился с звездного неба. Где-то высоко-высоко маячили вершины деревьев, а здесь, внизу, в зловещем полумраке, громоздились длинные коряги, огромные пни, острые колючие ветки....

— Гляди! Вон она — могила! — прошептал Пикмет, показывая кивком головы на небольшой холм.

Никита так и сжался от страха. Нестерпимо захотелось все бросить и убежать. Но стыдно было перед Пикметом.

— Ты держи кол, а я буду бить, — деловито предложил Пикмет.

Никита молча кивнул.

Они подошли к холму.

Никита приладил кол, а Пикмет, высоко занося топор, начал изо всех сил колотить.

У Никиты дрожали руки, и ему было очень трудно держать кол ровно.

— Да не трясись ты так! — сердито выкрикнул Пикмет, продолжая размахивать топором. — Я же руку тебе поврежу! Ну, вот и готово!

Друзья с облегчением вздохнули.

И вдруг, как будто издеваясь над ними, кто-то захохотал на весь лес: «Хо-хо-хо!!!»

Размахивая огромными крыльями, прямо на них надвигалось какое-то жуткое чудовище.

— А-а!!!— в ужасе завопили ребята и, все побросав, ринулись в разные стороны.

Никита мчался сломя голову, обдирая руки, ноги, лицо. Ему казалось, что кто-то скачет совсем рядом, ругается, протягивает к нему длинную руку...

Перепрыгнув через корягу, Никита споткнулся и упал, ударившись головой о пень.

— Вот шайтан оголтелый, весь лес разбудил!— услышал он над ухом сердитый мужской голос. И дальше ничего не помнит. Потерял сознание.

ПУГАНЕ

Никита очнулся от тупой боли в голове. Открыл глаза. Перед ним, как в тумане, поплыли стены родной избы... Он попробовал встать, но не смог — голове стало слишком больно.

— Сынок,— озабоченно склонилась над ним мать.— Наконец-то глаза открыл. Мы уж хотели тебя к лекарю в Чебоксары везти.

Никита напряженно пытался вспомнить: что же с ним случилось?

Мать, как будто прочитав его мысли, присела к нему на нары и начала рассказывать.

— Рано-рано поутру слышу — будто в дверь стучат. Выбежала на крыльцо, смотрю — Акташ, дядя твоего дружка Пикмета. Притащил тебя на руках из леса. Сердце мое так и зашлось, как взглянула-то на тебя... Весь в синяках, в крови. Не дышишь и не смотришь. И рубашка вся рваная... «Бери, мать, своего сыночка. Зачем-то по лесу с топором бродит!» Это Акташ так про тебя сказал... Хорошо еще, что он случайно в лесу оказался. Нелегко ему, хромому-то, было тебя тащить. Но не бросил, принес. Спасибо ему...

Чего же ты, сыночек, опять надумал? Зачем в лес ночью ходил? Да еще с топором?

Мать сокрушенно покачала головой, заплакала.

И тут Никита все вспомнил.

— А как же Тимми? Поправился?

— Где уж! — махнула рукой мать. — Все такой же слабенький.

— У-у, проклятый Харамза!

— Что ты, что ты, Никитушка? — забеспокоилась мать, торопливо положив ему на лоб руку: — Кто же тебя так обидел?

— Никто!

— В беспамятстве Тимми. Не знаю уж, поправится ли, — вздохнула мать. — А твой-то дружок Пикмет раз пять приходил. Беспокоится о твоём здоровье. Почему-то твердит все, что он виноват. Это уж точно: вдвоем вы чего-то придумали! И дочка Акташа — Майпике приходит. Она всякие травки от своей бабушки Шерпике знает. Тимми лечит и к тебе заходит. Из подорожника и еще каких-то листочков кашлицу сделала и к твоим ушам приложила. Сразу тебе полегчало.

— А разве Акташ больше в лесу не прячется?

— Так ведь сборщики податей ушли. Ой, совсем забыла! — Мать отошла, взяла со стола ковш с какой-то темной жидкостью и протянула Никите. — Майпике вела, как очнешься, отваром шиповника тебя напоить. Пей, сыночек, скорее поправишься, больше сил будет.

Никита с жадностью выпил прохладную, чуть кислую жидкость.

— Девочка совсем Майпике. Пожалуй, ей лет-то не больше, чем тебе. А ведь куда поумнее тебя будет. Нужда — лучший учитель... Ты уж будь с ней поласковее, Никита. Ведь без матери она. Хуже беды нет на свете...

Взяв из рук Никиты пустой ковш, мать отошла. А Никита задумался: «И чего в ней хорошего, в этой Майпике? Коса до пояса болтается, и хохочет без причины, как все девчонки,— вот и все. Ничего в ней такого нет...»

Никиту потянуло в сон, и он лег на подушку. Но что-то ему мешало в изголовье. Пошарил рукой и вытащил какой-то странный предмет. Что это? В руках оказалась маленькая самодельная куколка. Пугане*! Одета как чувашская девушка. Поверх белого, расшитого мелкой красивой вышивкой платица — фартучек. На нем тоже вышивка, а по краям шелковая тесьма. На головке — тухья** из бисера. На маленьких ножках — черные онучи и новенькие чистые лапоточки. Горят голубые бусинки-глазки. Ой, какая красавица! Откуда такая?! Постой, а ведь она чем-то похожа на Майпике... Хотел Никита спросить у матери про куколку, но почему-то промолчал. Спрятал за пазуху и, почувствовав, что глаза слипаются, быстро заснул.

МАЙПИКЕ

— Хорошо ли поживаете?— раздался звонкий нежный голос.

— А, Майпике!— обрадовалась мать. — Входи, входи! Хорошо поживаем — Никита уже разговаривает. Скоро, может, и совсем здоров будет!

Мать улыбнулась и вышла зачем-то из избы.

— Пусть всегда в этом доме будут здоровье и радость,— вежливо проговорила Майпике и подошла к Никите. — Болит голова?

---

* Пугане — (чув.) кукла.

** Тухья — (чув.) девичий головной убор.

Майпике легонько прикоснулась рукой ко лбу Никиты. Глаза ее лучились и сияли. «Лицо, как солнышко, увидишь и зажмуришься»,— вспомнились Никите слова из сказки, и он почему-то нахмурился.

— Ничего у меня не болит!

— А я тебе настойку из целебных трав принесла. На каждую болезнь есть своя травка. Выпьешь — и будешь здоров. Сейчас подогрею. Ее надо пить горячей.

Майпике подошла к очагу и, приговаривая: «Сейчас, сейчас будет готово!»— разогрела свой отвар.

Осторожно неся ковшик в вытянутой руке, Майпике подошла к Никите.

— На, попей!

— Не буду!— вдруг вскрикнул он злым голосом.— Не хочу пить твою настойку!

— Попей, Никита! Станешь таким же сильным, как улып!*

Никита закурился, собираясь соскочить с нар, и случайно толкнул Майпике. Ковшик выпал у нее из рук, и горячая настойка пролилась.

— Ай!— отчаянно вскрикнула Майпике и, схватившись за руку, присела на корточки.

У Никиты от ее крика сжалось сердце. Он смотрел на нее в испуганном оцепенении, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Тебе больно?— растерянно спросил Никита.

— Ага!— Майпике торопливо закивала головой, длинная русая коса запрыгала у нее по спине.

Вдруг Никита спрыгнул с нар и, подскочив к очагу, решительно сунул свою руку в огонь.

— Ой! Что ты делаешь?— от испуга и удивления глаза Майпике стали огромными. Забыв про свою

---

* Улып — (чув.) сказочный богатырь-великан.

боль, она в одно мгновение оказалась рядом и дернула его изо всех сил за рукав.

Не удержав равновесия, оба упали на пол.

— Вставай, Никита!— запричитала Майпике, первая вскочив на ноги.— Поднимайся, а то мне тебя не дотащить!

Никита с трудом поднялся. Рука нестерпимо болела. Голова кружилась.

Опершись на плечо Майпике, он еле-еле добрался до нар.

— Ты полежи,— торопливо сказала Майпике,— а я сейчас... Сбегаю за мазью — вон у тебя рука какая красная!

— А у тебя?

— У меня?— растерянно переспросила Майпике и неожиданно улыбнулась.— У меня ничего и не болело. Это я просто так запищала. Хотела, чтобы ты меня пожалел,— она махнула рукой.— Я же не думала, что ты... что ты такой шальной!

Майпике убежала.

А Никита закрыл глаза, стараясь не думать ни о ноющей руке, ни о том, что произошло.

Прошло несколько минут. В избу кто-то вбежал. Никита открыл глаза — Майпике. Дышит часто-часто.

— Давай сюда твою руку!

Она быстро помазала ее чем-то и завязала чистой тряпкой из белого холста.

— Вот так. Потерпи немножко. Скоро перестанет болеть.

И верно. Боль начала стихать.

— Теперь спи!

— Не хочу я спать! Мне к Пикмету надо!

— Вот станешь здоровым и пойдешь. И потом — скоро дождик начнется, промокнешь!

— Откуда ты знаешь?— Никита насмешливо посмотрел на девочку.

— А цветы сильнее пахнут. Ласточки слишком резвятся. И облака идут навстречу друг другу. Быть ненастью!

— Ишь, какая юмзя!* — фыркнул Никита. — Все-то ты знаешь!

— Ничего я не знаю, — вздохнула Майпике. — Вот ты, говорят, по книгам все узнаешь. Читаешь и часослов, и псалтырь, и евангелие...

— «Читаешь»! Да я их наизусть знаю!

— Не может быть! Скажи что-нибудь!

— «Утомлен я воздыханиями моими; каждую ночь омываю ложе мое, слезами своими, омочаю постель мою...» — нараспев затянул Никита.

— Бедный Никита! — всплеснула руками Майпике.

— Это же псалом царя Давида! — возмутился Никита. — Ничего-то ты не знаешь!

— Да, не знаю, — тихо согласилась Майпике.

Никите стало стыдно. Он виновато посмотрел на нее.

Но Майпике как будто ничего не заметила.

— Никита! А мне бы тоже хотелось научиться читать...

— Тебе-то зачем? Ведь ты девочка!

— Ну и что же! Кто умеет читать, того никто не обидит. И потом... потом мне просто интересно, — яркие синие глаза Майпике вдруг стали просящими: — Никита! А, Никита! Научи меня грамоте! А я... все что хочешь для тебя сделаю. Буду стирать, буду прясть, буду вышивать, буду хлеб печь, буду...

— Ладно, ладно, — важно остановил ее Никита. — Я подумаю.

— Вот спасибо! Ты не только умный, но и добрый человек. А бабушка говорит, что это еще важнее.

Никита вдруг повеселел.

---

* Юмзя — (чув.) знахарка.

— Слушай, Майпике, а ты ничего не потеряла?

— Не-ет...

— А это разве не твоя пугане?— спросил он, доставая из-за пазухи куколку.

Майпике вспыхнула, но глаз не отвела.

— А что?— она явно уклонялась от ответа.— Тебе не нравится?

— Нравится. Вышивка красивая. Кроме тебя, кто еще у нас так вышивает?— Никита подозрительно на нее уставился.

— Плохо будешь вышивать — замуж никто не возьмет. Все стареются!— засмеялась Майпике и, неожиданно нагнувшись, подняла что-то с полу и понесла к дверям.

Никита с любопытством и недоумением смотрел ей вслед.

— Что ты там нашла?

— А ты угадай!— весело сказала Майпике, вернувшись.— Вороной конь — тоненькая спинка! В гору бежит — не устанет, дождик пойдет — не замочит! Ну, кто это?

— Не знаю. Выдумала чего-то. Кто это может быть: «В гору бежит — не устанет?» Все устают! И конь устает!

— То конь, а это — муравей! Муравей бегаёт — никогда не устает,— Майпике засмеялась и поддразнила Никиту:— Эх, ты, такую простую загадку не отгадал! Тимми отгадал, а ты не смог!

— А ты зачем муравья отнесла? Кому он здесь мешал?!

— Ну, как ты не понимаешь, Никита? Ему ведь здесь плохо, бедному. И воробей ищет свое гнездо, и пчела — свой улей. Пусть и муравей найдет свой дом!

«Вот чудная!»— удивился про себя Никита, но вслух ничего не сказал.

Прошло несколько дней. Никите стало гораздо лучше. Сегодня он уже вышел в сад, походил по зеленой траве, а потом присел на крыльце. Жмурится от яркого солнца и думает: «Как там Тимми?»

— Ой, Никита! Это ты?— удивилась вбежавшая во двор Майпике.

— Нет, это не я! Это киреметь на крыльце сидит!— недовольно буркнул Никита.— Что у тебя, глаза на затылке? Разве не видишь?!

— Ой, не сердись! Это я от неожиданности. Думала, что ты еще больной, в избе лежишь.

— Я здоров, как бык. Вот, посмотри! Можешь, если хочешь, даже потрогать,— великодушно разрешил Никита, согнув руку в локте.

Майпике почтительно потрогала его руку.

— У-у! Настоящий богатырь!

Никита недоверчиво посмотрел на нее. Ну, конечно, опять насмешки!

— Ты выучила, что я тебе велел?— строго спросил он тоном учителя.

— Выучила. Рассказать тебе?

— Ладно. Потом.

— А чего ты такой грустный, Никита? Все думаешь и думаешь о чем-то...

— Тебе не понять!

— А я знаю: ты думаешь о Тимми?

— Верно!— удивился Никита.— Как ты угадала? Видать, не зря говорят, что твоя бабка — колдунья!

— Никита! А ты мне вчера обещал рассказать...

— Про что?

— Про Симеона Столпника! Он хороший человек?

— Конечно, хороший!

— А что он сделал?

— На столбе сидел! Сорок лет!

— А зачем?

— Как зачем? Он же праведник был. Сидел на столбе и молился. День и ночь, и в жару и в холод.

— И как только он на столбе-то уместился? Наверное, очень худой был. Конечно, от такой жизни не поправишься,— принялась размышлять Майпике и вдруг выпалила:— Жил на свете старичок, он худой был, как стручок! Ха-ха!

— Ничего смешного!— рассердился Никита.— Он же подвиг благочестия совершил. Безгрешным был. Бог его за это прямо в рай взял!

— На столбе — подвиг? Ха-ха! Какие могут быть на столбе подвиги?

Глядя на нее, Никита вдруг тоже засмеялся.

— А были на свете еще безгрешные люди?

— Преподобный Алипий! Он на столбе шестьдесят лет просидел!— давясь от смеха, проговорил Никита.

— Неужели, чтобы попасть в рай, надо на столбе сидеть?— удивилась Майпике.

— Не-ет. Не всегда. Святой Стефан Пермский, к примеру, был ученым человеком. Много-много книг прочитал. Помог пермякам...

— А кто такие пермяки?

— Народ такой, на севере живет. Пермяки не хотели креститься. У них было много своих богов...

— Так же, как у нас, чувашей?

— Так же. Ты не перебивай меня! Пермяки не поняли, что он к ним с добром пришел. Набросились на него сначала — хотели на костре сжечь!

— Ой!

— Но он не испугался! Сочинил для пермяков азбуку, научил их грамоте на родном языке, построил школу! Заступался за них, когда обижали начальники. И пермяки полюбили его. Когда он умер, «плакали в сердечной печали» и говорили: «Горе, горе нам,

братья, остались мы без учителя! Ушел от нас тот, кто много нам сделал доброго... Избежали мы тьмы и познали свет...»

— Вот хороший человек,— вздохнула Майпике и вдруг стремительно повернулась:— Смотри — Пикмет идет!

Во двор, ссутулившись, как старик, и грустно опустив голову, входил Пикмет.

— Ты чего не приходил так долго?— вскочил ему навстречу Никита.— А где Тимми?

Пикмет как-то странно на него посмотрел и повернулся к Майпике:

— Теперь ему можно сказать? А, Майпике?

Майпике кивнула. Лицо ее вдруг потускнело. Глаза смотрели задумчиво и печально.

— Нет больше Тимми,— каким-то чужим, деревянным голосом сказал Пикмет.— Похоронили мы его... Положили в сырую землю рядом с Мадусь.

Никита почувствовал, как сердце его сжалось от боли и стыда: Тимми нет, а он ничего про это не знал. Смеялся...

Как будто угадав его мысли, Майпике тихо сказала:

— Тимми теперь хорошо. Он переселился в другую, счастливую страну. Там очень хорошо. Светло и красиво. И еды сколько хочешь — и молока, и каши, и хлеба. Там он встретится с Мадусь...

— Я ему дудку, на которой он всегда играл, в руку вложил. Пусть будет ему весело,— с надеждой глядя то на одного, то на другого, сказал Пикмет.

— Жалко Тимми,— Никита отвернулся и подумал про себя: «Разве может быть весело в сырой земле? Ведь там нет солнца, нет птиц, нет зеленых деревьев... Там холодно и страшно».

— Тимми все время молока просил,— вдруг с горечью сказал Пикмет,— а поп корову нашу забрал.

И все равно мало ему. Бьет отца каждый день. Сначала держал его в холодном погребе, а теперь связал и бросил в сарай... Требуется, чтобы отец отдал меня в работники!

— Пикмет! Убеги в лес — там ведь полно беглых!

— Я бы убежал, да отца с матерью жалко! Они теперь совсем одни остались.

— Слушай!— решительно сказал Никита.— Давай выпустим твоего отца из сарая. И вы вместе с ним убежите в лес. Пойдете в бурлаки или на завод найметесь. Заработаете деньги — корову купите!

— С тех заводов еще никто не возвращался,— грустно сказала Майпике.

Но ребята не обратили на ее слова внимания.

— В сарае у задней стены доски отходят,— торопливо объяснил Никита.— Там мусором завалено — не видно. Я еще раньше про это знал. Ночью раскопаем мусор, и я пролезу. Я в любую щель могу пролезть! Вот, посмотри!

Никита подбежал к воротам.

— Майпике! Ты закрывай ворота, а я покажу, в какую щель могу пролезть!

Майпике послушно стала прикрывать ворота.

— Дави сильнее! Не бойся!— кряхтел Никита.— Видишь, Пикмет, я везде пролезу. Майпике! Я же тебе велел давить сильнее, чего перестала?

— Да ну тебя!— рассердилась Майпике.— Ты и так совсем синий стал. Такой тощий везде пролезет.

— Ты развяжешь отца, и мы убежим в лес!— оживился Пикмет.

— Возьмите меня с собой,— попросила Майпике.

— Не-ет, тебе нельзя. Это дело не для девочек.

— Возьмем ее, Никита. Будет стоять на карауле. Она видит и слышит в темноте, как кошка. Майпике! Если что — прокаркаешь три раза! Ладно?

— Ладно!— радостно согласилась Майпике.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Вдоль забора крадутся три тени. Две, побольше, с лопатами — это Никита и Пикмет. Третья, поменьше, — Майпике.

Темно во дворе у попа. Тихо.

— Спит поп. Хорошо ему. Наверное, молока вдоволь напился. Или, может, киселя, — Пикмет облизнул пересохшие губы.

— Вроде уснули все, а?

— Тихо.

— Подожди. Пусть Майпике послушает. Ну?

Майпике приложила ухо к забору.

— Можно!

Перелезли через забор.

— Майпике! Иди скорее ворота открой. Чтоб нам сразу можно было убежать, — прошептал Никита. — Поняла?

— Поняла!

Крадучись, едва дыша, подошли к сараю. Пикмет нашел щелочку, просунул нос.

— Атте, атте!* Это я, Пикмет! Слышишь? Откликнись!

Из сарая доносились глухие стоны.

— Атте! — снова зашептал Пикмет. — Потерпи немного. Сейчас Никита к тебе пролезет. Развяжет тебя.

Стоны затихли. Послышался слабый голос:

— Ребятки! Чего это вы затеяли? Бегите скорей отсюда!

— Мы с тобой в лес убежим, атте! К бурлакам пойдем! Куда хочешь пойдем! Много денег заработаем...

— Бегите скорей! Убьет вас поп!

---

* Атте — (чув.) отец.

— Пикмет!— позвал Никита.— Нашел! Тут доски вынуты. Давай копать.

Ребята дружно взялись за дело. И вот уже нет мусорной кучи.

— Ну, попробуй, Никита!

Никита просунул голову и плечи.

— Застрял... Покопаем еще немного.

— Теперь хорошо!

Никита пролез в сарай.

— Дяденька Синер! Это я, Никита! Отца Якова— сын!

— Ох, ребятки! Ох, бедовые... Не дело вы затеяли,— встревожился Синер.

Никита не слушает его. Достал нож — острый, специально наточил. Нашупал в темноте веревки. Перерезал одну, другую... Сначала ноги освободил, потом руки. Готово!

Встал Синер, расправил плечи. Эх, хорошо, когда руки и ноги свободны!

— Спасибо, сынок!

Синер ласково похлопал Никиту по спине.

Рад Никита.

А Пикмет тем временем весь мусор расшвырял.

— Готово! Пролезайте скорее!

Быстро пролезли один за другим: сначала Синер, а за ним — Никита.

Только тронулись в путь, как вдруг неожиданно громко и тревожно закаркала ворона:

— Карр-карр-карр!

— Это Майпике! Бежим!

Рванулись вперед, а навстречу им поп Петр. Глаза горят злобой — даже в темноте видно. А в руках — оглобля.

— Попались!

Размахнулся оглоблей, но тут Никита возьми и брось ему под ноги лопату.

Споткнулся поп, потерял равновесие и упал.

— Беги, дядя Синер!

Но не может бежать Синер. Ослаб от побоев.

— Беги, атте! Мы его задержим!

Свирепо ругаясь хриплым от бешенства голосом, поп с трудом поднялся на ноги и снова схватил оглоблю:

— Убью!!!

Легкая тень кинулась ему навстречу. Взметнулась вверх маленькая ловкая рука. Что-то швырнула попу в лицо. «Это Майпике!»— догадался Никита.

Поп тут же выпустил оглоблю, схватился за голову, закружился на месте, закричал на все село:

— О-о-!!! Слепой! Не вижу!

— Скорее в лес!

И все побежали что было сил.

МАТТУР!

Уже близился рассвет, когда Никита вернулся домой. В избе было тихо—все спали. Матушка думает, что он в шалаше, в яблоневом саду. Прокрался Никита в шалаш потихоньку, упал на подстилку и сразу уснул, как убитый.

А наутро все село шумело, как встревоженный улей. Обсуждали новости.

— Синер-то в лес убежал!

— Вместе с сыном!

— А поп, говорят, чуть не ослеп!

— Шайтан ему в лицо песок бросил!

— Сам он шайтан!

— С утра пьяный, злющий!

— Пристава вызвал — ищут Синера в лесу!

К вечеру беглецов поймали. Привели во двор к старосте. Вместе — отца и сына. А там их уже ждет

поп Петр. Огромный, как гора. Нечесаная борода торчит ключьями. В руке — плетка.

— Сейчас покажу, как разбойников наказывают!

Бросили Синера на землю. Задрали рубаху.

Размахнулся поп Петр и начал бить. А спина у Синера и так вся в кровавых рубцах и ранах. Дернулся Синер, охнул, но прикусил губу, чтобы не стонать, не испугать сына.

Снова и снова со свистом опускается плетка. По телу Синера прошла судорога, изо рта тонкой струйкой потекла кровь.

— Аtte!— в отчаянии закричал Пикмет.

— Молчи, щенок, придет и твоя очередь!

— Батюшка... сынишку не трогай,— с трудом приподняв голову, прохрипел Синер.

Ткнув его в бок сапогом, поп, злобно ухмыляясь, шагнул к Пикмету. Схватил его за шиворот, поднял в воздух и с силой швырнул на землю.

— А теперь получай и ты, волчонок! Вот тебе! Вот!— снова замелькала поповская плетка.

— Ой-ой!!!— заплакал Пикмет.— Ой, больно! Не надо!..

Но что это? В воздухе вдруг просвистел брошенный кем-то камень.

Поп, выронив плетку, схватился за голову. Держась за ушибленное место, он обвел тяжелым взглядом собравшихся во дворе перепуганных мужиков и баб:

— Кто бросил камень?! А?! Всех убью!

— Батюшка! Батюшка! Никто не бросал!— испуганно загалдели вокруг.

— Я бросил!— вдруг вышел вперед Никита.

Поп остолбенел.

— Ты?!

— Я!— упрямо повторил Никита.

Рядом с попом Никита казался крохотным и щуп-

лым, но лицо его пылало такой отчаянной решимостью, что поп, трусливо оглянувшись по сторонам, начал пятиться, приговаривая:

— Ну и ну, хорош сыночек у отца Якова! Хорош!

— Полно тебе, отец Петр, зверствовать,— раздал-

— Ну и ну, хорош сыночек у отца Якова! Хорош! Взял корову у Синера — и довольно. Остановись, охолони себя. Не гневи бога. Ведь того и гляди убьешь человека.

— Где человека-то здесь видишь?— со злобным недоумением прохрипел поп Петр.— Про кого говоришь? Про киреметников, что ли?! Так то ж скоты! Только плетку и понимают!

Отец Яков, не слушая его, подошел к Пикмету, склонился над ним. Мальчик тихо стонал. Глаза его были закрыты.

— Мальчонка-то еле живой!

Какая-то сердобольная бабка, осмелев, подбежала с кружкой воды.

— Пей, ачам,* пей! Легче станет.

— А вы,— обратился отец Яков к мужикам,— помогите-ка мне!

В толпе заволновались, окружили неподвижно лежащих на земле Синера и Пикмета, помогли подняться и увели.

Отец Яков взял за руку Никиту.

— Пойдем, сынок, домой, пойдем. Мать, поди, беспокоится.

Никита боялся, что отец будет его ругать. Но он всю дорогу молчал. А когда подходили к воротам родного дома, положил ему на плечо руку:

— Маттур! За слабых всегда надо заступаться. Незаметно подрос ты у меня, сынок. Поступил сегодня, как настоящий мужчина.

---

* Ачам — (чув.) мальчик.

УЧИСЬ, СЫНОК!

Никита торопливо доедал кашу, запивая ее молоком. А рядом за столом сидела мать. Какая-то странная она сегодня. С грустью смотрит на него, будто что-то случилось.

В избу вошел отец и присел рядом с матерью. Никита встал было из-за стола, но отец удержал его:

— Не убегай, сынок. Надобно поговорить с тобой.

Никита с тревогой посмотрел на родителей.

— Не бойся,— ласково сказала мать,— новости хорошие.

Подождав, пока сын допил молоко, отец Яков неторопливо заговорил:

— Благочинный, проверив твои знания, весьма доволен ими остался. Велел тебя дальше отправить учиться — в Казань, в духовную семинарию! Я уж и прошение написал. Чтобы приняли тебя «для лучшего образования ума и сердца, для усовершенствования в высших и благородных науках...» А ты готовься пока что. Сказывают, новый-то архиерей Амвросий Подобедов иной раз сам экзаменует поступающих. Большим охотником до наук преосвященный оказался. Расцвела при нем семинария-то! Чего только нынче в ней не изучают: географию, историю, математику, даже французский язык! Но и этого мало. Желающих и имеющих к тому способности учат музыке, живописи и пению. И скажу тебе: ежели в прежние времена отцы за несчастье почитали отдавать детей своих в семинарию, то теперь не так. Священники, дьяконы и пономари — все нынче с величайшей охотою и поспешностью везут своих сыновей в Казань... Чтобы учились они, чтобы приобретали знания!

Отец помолчал и продолжал с грустью:

— Эх, жаль, сам-то я недолго побыл в бурсе... Дошел только до третьего класса — грамматического.

Чтение, письмо, немного арифметики, латинский язык да катехизис* — вот и вся моя наука! А брату Ивану, который нынче служит дьячком в Акулеве, так и вовсе не довелось учиться. Ни читать, ни писать не умеет, имя свое и то с трудом подписывает. Плохо ему живется без грамоты. Вот так-то! Учись, сынок! «Блажен человек, который снискал мудрость... Потому что приобретение ее лучше приобретения серебра и прибыли от нее больше нежели от золота. Она дороже драгоценных камней, и ничто из желаемого тобой не сравнится с нею...»

Торжественно договорив последние слова, отец замолчал. Его смуглое красивое лицо было серьезно. Из-под густых черных бровей глаза смотрели задумчиво и ласково.

А матушка заплакала, запричитала:

— Сыночек, дорогой ты мой, ненаглядный! Сколько лет тебе придется теперь жить вдали от дома. Ни единого близкого человека рядом, ни единой родной души...

— Полно тебе, матушка, — прервал ее отец. — Вон дьякон — сосед наш, Семен Михайлов, тоже собирается сына своего Ивана в учение отдавать. Не унывай, друзья у Никиты найдутся... А какой друг у меня, Никитушка, был, когда я учился в Казани! Никогда мне его не забыть. Способностей совершенно необыкновенных. Стихи сочинял... Когда императрица Екатерина посетила Казань, среди прочих приветствий были и его стихи на чувашском языке...

— А где он сейчас?

— Подрастешь — узнаешь, что талантливый-то людям особенно тяжело на свете живется... И умирают они чаще других, не выдержав земных тягот и не-

---

* Краткое изложение христианского вероучения в форме вопросов и ответов.

взгод...— Отец помолчал, будто что-то припоминая, и, тяжело вздохнув, продолжал:— Да, вот что еще мне хотелось сказать тебе, сынок: науки науками, но главное — будь человеком. Что сие означает? Будь честен и правдив, люби труд, перед богатыми не унижайся, а бедных жалей. Ежели будешь удачлив — не возносись, а нагрянет беда — очень-то не унывай, голову не вешай... Будь нужен людям — в этом есть главное человеческое счастье.

— Ну, отец, целую проповедь прочитал,— улыбувшись, сказала мать и, обняв Никиту за плечи, добавила:— Послушай меня внимательно: там среди учеников семинарии непременно появится братишка твой...

— Какой братишка?— удивился Никита.— У меня же нет его...

— Двоюродный братишка — сын моей родной сестры, тети твоей, значит. Они в селе Таволжанка живут, Карсунской округи. Братишка помладше тебя будет... Так, годика на два. Здоровьем слаб, родители боятся за него — еще не скоро, наверное, учиться-то отдадут. Но ты приглядывайся... Александром его зовут, Саней...

БУРСА

И вот Никита в Казани. С удивлением и восторгом рассматривал он древний кремль, окруженный белой крепостной стеной с башнями, высокие каменные дома, старинные церкви, мечети со стройными минаретами... Все казалось ему здесь в диковину: и широкие улицы, на которых по вечерам зажигались фонари, и многочисленные купеческие лавки, и богатые золоченые кареты, запряженные иной раз шестеркой лошадей,— в таких каретах ездили только знатные вельможи и архиереи...

Духовная семинария, в которую Никита поступил учиться, занимала три больших каменных здания, расположенных на одной из самых красивых и благоустроенных улиц — Воскресенской, неподалеку от знаменитого Петропавловского собора.

Учиться Никите нравилось. Но суровую бурсацкую жизнь он осваивал с трудом. Долгое время не мог привыкнуть к громадному каменному зданию, неприветливому и грязному, к спертому воздуху в классах, к бесконечным церковным службам, на которых семинаристам полагалось выстаивать до изнурения, изучая все тонкости праздничных и повседневных богослужений.

Проучившись четыре года, Никита заканчивал высший латинский класс* и шел в числе первых учеников. Во всех учебных ведомостях о его знаниях неизменно писали: «отличного понятия», «понятия превосходного».

Давно ли, кажется, Никита впервые открыл латинский лексикон, а нынче ему по-латыни так же легко читать, писать, говорить и даже думать, как и по-русски.

Поразительные способности, замеченные всеми учителями, спасали его от бесчисленных унижений, каким подвергались в бурсе почти все ученики.

Слабых семинария сгибала, сильных — закаляла. Розги, карцер, драки и издевательства — вот что составляло повседневную, обычную жизнь в бурсе. Никита часто видел, как многие из его сверстников, чтобы избежать наказаний, начинали лгать, хитрить,

---

* В духовных семинариях XVIII века обучение проходило в следующих классах: информатория (учили, в основном, читать и писать), низший латинский класс (фара, инфима), высший латинский класс (грамматика, синтаксима), риторика (одновременно часто изучали пиитику, или поэзию), философия и богословие. Курс обучения продолжался от десяти до четырнадцати лет.

подличать. Привыкая сносить унижения, они с каким-то удовольствием стремились унижать других.

Дружба и сердечная чувствительность здесь не пользовались почетом. Истинный авторитет среди товарищей можно было завоевать лишь одним — здоровыми кулаками. С первых же дней своего появления в семинарии Никите пришлось изрядно подраться. Но с той поры его уже не трогают. Знают, что одним ударом может скулу свернуть.

А теперь и помощник у него в битвах появился — Иван Денисов, сын дьякона Семена Михайлова, из родного Бичурина. В науках не очень силен, но драться горазд. Когда они вместе, никто, пожалуй, с ними в бурсе не сладит.

В первые годы обучения Никиту мучило одиночество. Не с кем было поговорить по-человечески, с доверием, зная, что встретишь понимание, а не тупой бурсацкий взгляд. Долгое время единственной радостью для Никиты были книги. Он читал каждую свободную минуту, забывая обо всем на свете. И как он бывал счастлив, когда узнавал на страницах сочинений, написанных сотни лет назад, свои переживания, чувства и мысли, которых никогда никому не высказывал! Кажется, с любыми лишениями теперь мог смириться Никита, но только не с отсутствием книг. Как сказал его любимый древнеримский поэт Гораций: «О чем молиться, о друг? Было бы в изобилии книг...»

В семинарской библиотеке, довольно обширной, преобладала учебная и богослужебная литература. Но среди псалтырей, библий, многочисленных грамматик, лексиконов и географических атласов часто встречались красивые кожаные переплеты с золотым тиснением. Это были книги, подаренные семинарии различными казанскими архиереями, — сочинения древних историков, философов, поэтов и писателей.

Библиотеку в семинарии считали «душой обучения», любили и берегли. При многочисленных казанских пожарах, которых не избежала и семинария, от пламени в первую очередь спасали книги.

Как поражен был Никита, когда, впервые переступив порог библиотеки, увидел многочисленные полки с книгами! Как любил он бывать здесь! Какое наслаждение доставляли ему прохладная тишина, шелест страниц, даже самый запах книжной пыли...

В стенах семинарии Никита провел долгие годы. Здесь пришлось ему испытать много горького и несправедливого. Но здесь же довелось ему впервые вкушать сладость познания, полюбить науки, встретить новых друзей и с ними вновь обрести самое высокое счастье, которым может одарить человека жизнь,— счастье истинной бескорыстной дружбы.

САНЯ КАРСУНСКИЙ

Никита проснулся, как от толчка. Ему показалось, что совсем рядом кто-то горько всхлипывает. Он прислушался. Кругом храпели на все лады бурсаки. Некоторые всхлипывали во сне и что-то жалобно бормотали. От сальных свечей, постоянной сырости и грязных, давно невымытых тел семинаристов воздух был тяжелым. Никита вздохнул. Ему хотелось снова увидеть свой сон. Кажется, только что он был дома, в яблонево́м саду. Пахло утренней свежестью, прохладой, от запаха хмеля кружилась голова...

Эх, скорей бы домой, на летние вака́ции! Как бы хорошо сейчас выпить молока, съесть кусок свежего ржаного хлеба! Пойти в лес. Или выкупаться в речке. А лучше всего — вскочить бы сейчас на коня и поскакать наперегонки с Пикметом! В яркое солнечное утро, под синим небом, в чистом открытом поле! Но

нет уже давно на свете Пикмета... Так и не смог он тогда оправиться после побоев попа Петра. Лежат теперь в сырой земле рядом и Мадусь, и Тимми, и Пикмет.

Скоро уже вставать. Семинаристов поднимали рано, в шесть утра, и через час начинался первый урок. И так, по давно установленному порядку, семинарская жизнь текла день за днем...

Никита приподнялся с кровати, собираясь одеться. И вдруг насторожился. Сейчас он уже совершенно отчетливо слышал, что кто-то жалобно всхлипывает. Звуки доносились из дальнего угла, где определили спать новенькому.

Накинув кафтан, Никита прошел в угол и, присев на корточки возле кровати, осторожно спросил:

— Ты чего? Обидел кто?

Из-под одеяла высунулся худенький светлоголовый парнишка. Его лицо, нежное, как у девочки, распухло от слез. Синие глаза смотрели испуганно:

— Никто меня не обидел!

«Похож на нашу Матрешку!»— вдруг с веселым удивлением подумал Никита.

— Так чего же ты расхныкался?

— Домой хочу!

— Удивил! Все хотят! Видал, небось, во дворе стоит колокол? Вот под ним розгами бьют тех, кто убегает. А окно с решеткой видал? Это карцер. Потом туда сажают. Будешь там скучать без хлеба и без воды!

— А ты сам убежал?

— Хотел сначала... Но здесь книги, а в деревне их и в помине нет. Я учиться люблю. Мне история, география и латынь нравятся. А тебе?

— Не-ет! Я учиться не люблю!

— А без учебы чего делать будешь?

— К Суворову пойду — драться с турками!

Желание парнишки столь мало соответствовало его заплаканной физиономии и шуплой фигуре, что Никита ухмыльнулся:

— Думаешь, если воевать, так и учиться не надо?

— А ты не смейся!

— Чего смешного! Вон, Александр Македонский, какой был полководец, а учился у философа Аристотеля. Победил много стран, а никогда не расставался с «Илиадой» Гомера. Считал ее лучшим руководством для ведения войны.

— Откуда ты знаешь?

— У древнегреческого историка Плутарха прочитал. Учись — и ты узнаешь!

— А я считать люблю,— доверчиво посмотрев на Никиту, вдруг сказал парнишка.— Мне арифметика нравится.

— Если кто тебя обидит, только скажи... Видал?!— Никита показал кулак.— Будет иметь дело со мной!

— А ты кто?

— Ученик высшего латинского класса — Никита Бичурин!

— Постой, постой!— парнишка даже подскочил на постели.— А кто же твой отец?

— Священник села Бичурина — отец Яков. Фамилию мне, как это в семинарии полагается, дали по названию нашего села.

— Так ты ж мой брат!— парнишка чуть не захлебнулся от волнения.

— А тебя как зовут?— удивился Никита.

— Саня! Сын священника отца Василия из села Таволжанки Карсунской округи.

— И как это я не догадался?!— засиял Никита.— Ведь ты должен был еще в прошедшем году поступить. Мне матушка говорила...

— В прошедшем году я болел.

- А какую фамилию тебе дали?
- Карсунский, тоже по названию нашей округи.
- Саня Карсунский!
- Никита Бичурин!

Хлопая друг друга по плечу, они весело хохотали.

— А я еще как взглянул на тебя, сразу подумал: «Чего этот парнишка так на сестренку мою Матрешку похож?!» — давясь от смеха, проговорил Никита. — Теперь ясно!

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

С января 1793 года в семинарии появился новый преподаватель — Борис Герасимович Поликарпов.

Питомец Казанской семинарии, он только что вернулся из Петербурга, куда был послан преосвященным Амвросием для усовершенствования в науках.

Молодой, щеголеватый, несколько суровый в обращении, он был, однако ж, любим учениками за ум, глубокие познания во многих науках и справедливость.

Поликарпов блестяще знал русскую словесность, а книги были для него истинной страстью. Приметив это, преосвященный Амвросий, который сам в молодости служил библиотекарем при Троицко-Сергиевской лавре и сохранил любовь к книгам на всю жизнь, передал в его ведение книжные богатства семинарии.

Здесь, в библиотеке, Никита и встретился с Поликарповым. Обратив внимание на необычное пристрастие юного ученика к чтению, Борис Герасимович начал советовать ему прочесть то одно, то другое сочинение. Виделись они теперь почти каждый день. И постепенно Никита стал первым помощником в библиотеке. Поликарпов поручал ему то расставить книги, то подклеить оторванную страницу. А после

того, как Амвросий ввел обучение переплетному делу, Никите стали доверять переплеты самых ценных изданий.

...Библиотечные шкафы были очень высокими, и, чтобы достать книгу с верхней полки, надо было подниматься по лестнице. Забравшись наверх, Никита взял нужное ему сочинение, открыл и зачитался, ничего не видя и не слыша вокруг. Он не оторвался от своего занятия и тогда, когда в библиотеку вошел окруженный ректором, префектом, учителями и служителями архиепископ Амвросий.

Ректор хотел было прикрикнуть на зазевавшегося ученика, но преосвященный остановил его. Улыбнувшись, он тихо спросил:

— Что же ты читаешь, сын мой?

Вздрогнув от неожиданности, Никита, однако, не растерялся. Смело взглянул на владыку блестящими раскосыми глазами, ответил без запинки:

— Марк Туллий Цицерон. Диалог «О дружбе», ваше преосвященство!

В глазах архиепископа мелькнула заинтересованность:

— А ведь я помню тебя по экзаменам. Понятие проявил ты в науках превосходное. Спустись-ка с лестницы и прочти нам то место, которое столь увлекло тебя в книге.

Никита спустился вниз, открыл книгу и, найдя нужное место, начал читать. Громко и отчетливо зазвучали в библиотечной тиши чеканные латинские фразы.

— Хорошо, хорошо...— одобрительно кивнув головой, прервал его чтение Амвросий.— Ну, а теперь переведи...

— «Мудрость и дружба — самое лучшее, что подарили людям бессмертные боги... Что может быть слаще, чем иметь человека, с которым решаешься

говорить, как с самим собой? Что пользы от счастливых обстоятельств, если у тебя нет человека, который порадовался бы им так же, как ты сам?..»

Задумчиво глядя на семинариста, Амвросий Подобедов внимательно слушал. Глаза его потеплели. О чем он задумался? Может быть, вспомнил, как сам более тридцати лет назад, ученик семинарии Троицко-Сергиевской лавры, пропадал в библиотеке, склонившись над книгами, тоскуя по дружбе, человеческому теплу и слову участия?..

— Довольно,— ласково остановил Никиту преосвященный.— Вижу: смышлен, хорошо понимаешь прочитанное и отменно переводишь. Не правда ли — нет радости более возвышенной и благородной, нежели радость общения с книгой? Как сказал Вергилий: «Бог создал нам это наслаждение...»

— А ведь ты понравился преосвященному,— когда все ушли, сказал, довольно улыбаясь, Поликарпов.— Теперь он тебя запомнит.

И верно. С той поры не забывал Никиту преосвященный. Часто вызывал к себе, давал читать редчайшие книги, подолгу, целыми вечерами вел с ним беседы о прочитанном, о смысле жизни, о назначении человека. Хоть и большая разница была в их возрасте, но оказались они близки душевно, хорошо чувствовали и понимали друг друга.

Архиерейские покои находились недалеко от семинарии, в кремле. Почти каждые субботу и воскресенье проводил Никита у Амвросия. А Сане смешно:

— И не надоело тебе вести душеспасительные беседы? Пойдем-ка лучше со мной к Саблуковым!

У Сани было множество знакомых в Казани. Он часто звал с собой Никиту, но тот всегда наотрез отказывался. Был гордым, а ведь известно: гордость и застенчивость ходят рядом.

Чаще всего Саня бывал в доме у Саблуковых.

Лаврентий Павлович Саблуков был хорошо знаком с его батюшкой, и Саня привык бывать у них в доме с детских лет. Семья Саблуковых была богатой, но славилась по всей Казани не этим, а гостеприимством и широтой интересов. В их доме всегда звучали музыка, пение, всегда были известны все политические, литературные и театральные новости.

Особенно дружен Саня был с дочкой Саблуковых — Таней, своей ровесницей.

С того дня, как они встретились, Саня и Никита были почти неразлучны. Казалось, они были очень разными. Никита — высокий, широкоплечий, крепкий. Густые черные волосы шапкой обрамляли скуластое лицо с живыми карими глазами, большим пухлым ртом. Был он вспыльчив, горяч, но добр и отходчив. А Саня — совсем другой. Тоненький, как тростинка, смешливый, ласковый. Хотелось его защитить, уберечь от той грубости, которой вокруг было так много. Плохо пришлось бы в бурсе Сане, если бы не здоровые кулаки Никиты.

Подружились они крепко. Было у них то общее, что скрепляло дружбу: неубывающая страсть к познанию, ненависть к несправедливости, благородство и доброта характера.

УЧЕНИК КЛАССА РИТОРИКИ

Преподаватель риторики Челноков полистал лежащий перед ним конспект и, отложив его в сторону, сказал:

— Ясность — главное достоинство речи. Об этом говорили многие великие ораторы. Сочинение, которое нам только что с таким отменным чувством прочел ученик Василий Весновский, составлено ясно, красиво, выразительно и последовательно. По всем правилам риторики

рики. И все же считаю нелишним напомнить вам всем наставление Феофана Прокоповича: произнося речь, избегай неуместных телодвижений — не раскачивайся, будто в лодке на веслах сидишь, руками не размахивай, «не подскакивай, не смейся, но и не рыдай...» Одним словом, старайся держаться с достоинством.

Ученики радостно захохотали, уставившись на бедного покрасневшего Васю Весновского. Читая только что свое сочинение, он для пущей выразительности в местах, которые казались ему наиболее важными, вскрикивал и размахивал руками.

— Ш-ш... Тише! — раздраженно постучал по столу Челноков. — Риторика — сложнейшая из наук. В Древнем Риме называли ее «управляющей сердцами и царицей всего существующего». Постичь ее не так-то просто... Недаром имена великих ораторов остались в веках. Самое трудное в красноречии — краткость. Изучайте — надеюсь, известного вам всем, — римского историка Саллюстия. По сжатости изложения никто не может с ним сравниться. Не расставайтесь с «Риторикой» Ломоносова. Учитесь, упражняйтесь... И, может быть, среди вас появится второй Цицерон!

Риторикой занимались ежедневно по четыре часа. Разбирая каждую строчку, читали и переводили лучшие классические творения, штудировали учебники, сочиняли сами, упражняясь, главным образом, в составлении церковных проповедей. По указанию Казанской духовной консистории, даже сельские священники должны были уметь сочинять и произносить перед своей паствой проповеди не менее трех раз в год.

Преподаватель риторики Челноков тоже окончил Казанскую семинарию. Он был невысок ростом, худощав, сутуловат и вовсе непохож на тех величественных героев древности, о которых так любил рассказывать. В нынешнем году Челноков принял монашество.

Поговаривали, что он пережил какое-то глубокое личное горе. По той же причине, вероятно, его можно было иной раз увидеть на уроке небрежно одетым, с распухшим лицом и покрасневшим носом — страдал пристрастием к спиртным напиткам.

Ему многое прощалось, так как он был хорошо образован. Его проповеди печатались в типографии и рекомендовались ученикам как образцовые. Он преподавал не только риторику, но и философию. Особой же любовью отличался к истории. Можно было заслушаться, когда он принимался рассказывать о Юлии Цезаре или о казанских древностях. Преосвященный, который всегда считал, что человек должен заниматься именно тем делом, которое он более всего любит, поручил ему написать историю Казанской духовной семинарии, начиная со дня ее основания.

Однажды, узнав, что Никита уже проштудировал «Историю» Саллюстия, Челноков посоветовал ему обратиться к другому римскому историку — Корнелию Тациту:

— В его книгах ты найдешь не только саллюстианскую краткость, но и величайшие художественные достоинства. Тацит, как никто, пробуждает мысль, заставляет сильнее биться сердце. С какой яркостью описывает он характеры! И обрати внимание, что благородство он находит отнюдь не среди аристократов — жестоких, мерзких тиранов и лживых, криводушных придворных. Он находит его среди народа. Возьми-ка полистай его «Анналы», найди пятнадцатую главу, где описывается заговор Пизона. Прославленные мужи, испугавшись пыток, предали не только друзей, но и родных. Однако же слабая женщина по имени Эпихарида, к тому ж заметь — в прошлом рабыня, предпочла смерть предательству! А ведь людей, спасенных ею, она даже не знала... Воистину прав был Вергилий, когда сказал о простых людях: «На

них справедливость, покидая землю, оставила последние следы...»

Наскоро проглотив щи и кашу, которыми семинаристов потчевали ежедневно, Никита помчался в библиотеку.

Взяв Тацита, он быстро нашел пятнадцатую главу и, забравшись в пустой класс, погрузился в чтение. Волнуясь, перелистывал он страницу за страницей. Вот и последние строки: «Ни плети, ни огонь, ни ожесточение палачей не сломили ее и не вырвали у нее признания... Женщина, вольноотпущенница, в таком отчаянном положении оберегавшая посторонних и ей почти неизвестных людей, явила блистательный пример стойкости, тогда как свободнорожденные мужчины, римские всадники и сенаторы, даже не тронутые пытками, выдавали тех, кто каждому из них был наиболее близок и дорог...»

С бьющимся сердцем перечитал Никита еще раз последние строки. Майлике... За каждым словом этой истории, написанной в столь далекой древности, он видел ее. Она поступила бы так же. Никогда бы она не смогла стать предательницей...

Как-то она поживает там, в Бичурине? Вспоминает ли про него? Ей, как и ему, пошел шестнадцатый год. Но в последний раз, когда они виделись,— это было на рождество,— она показалась ему совсем взрослой. Все ему нравилось в ней: и веселые синие глаза, и походка, и звонкий голос...

Как хочется побывать дома! Но отпустят, скорее всего, на пасху. А потом уж близко и лето. Один год бежит за другим. Глядишь, скоро и семинарию закончит. После риторики останутся только философия и богословие. А там — свобода!

В старших классах уже не было экзаменов. Вместо них — диспуты. Каждый диспут был для семинарии настоящим праздником. Он проходил торжественно—

в актовом зале. В ожидании архиепископа, который всегда на нем присутствовал, двор и все полы в семинарии посыпали песком. Зал украшали цветами. Все было как в театре. Семинаристы, одетые в белые хитоны, блистали красноречием. Гремела музыка, пел хор. Диспуты проходили публично, на них присутствовали почетные гости и многие казанцы...

— Никита!— влетел в класс Вася Весновский.— Вот ты где! Опять книжки мусолишь?!

— Опять!— Никита улыбнулся. При виде Весновского трудно было оставаться серьезным — таким он был всегда веселым, приветливым, красивым. И при всем том — наделен прекрасными способностями. Все его любили.

— Вот Челюков мной недоволен. А как ты думаешь, кого брать за образец? К примеру, чьи сочинения тебе больше нравятся—Поликарпова или Амвросия?

— Что и говорить, у Поликарпова слог красивый, изящный, образный. У Амвросия, конечно, таких блистательных картин нет. Однако ж сочинения Амвросия не только напечатаны, но и переведены на французский и немецкий языки. По его учебникам уже не первый год учатся семинаристы. Почему так? Потому что в каждом слове, которое он пишет и произносит, присутствует мысль... Мне нравятся сочинения Амвросия.

— А я люблю, когда красиво!— засмеялся Весновский.— Слыхал новость?

— Какую?

— Один казанский купец женился на крепостной!

— Ну и что?— усмехнулся Никита.— «Нет стыда и в любви к рабыне...» Это еще Гораций сказал.

— Гораций сам-то был сыном раба!

— Он был величайшим поэтом!— вспыхнул Никита.

— Ну, не сердись, — примирительно сказал Весновский. — Я неправ. Ляпнул сдуру. Лучше послушай, как получилось-то. Все в жизни решает случай! Ехал купец на Макарьевскую ярмарку. И вдруг видит: при всем честном народе дерут плетью крепостную девушку. За что? За разбитый графин с наливкой. Ты мне скажешь — обычная картина! Крепостных на каждом углу дерут! Но здесь был случай особенный. Помещица-то девушку эту с собой в Париж возила, читать научила... Не снесла девушка надругательства, побежала топиться. Вот тут-то купец ее и спас. Увез с собой, выкупил на волю и женился... Повезло девушке!

— В чем повезло-то?

— Купчихой стала!

— Повезло или нет — об этом не нам судить. А скажи по совести: чего тут хорошего? Судьба человеческая решилась из-за графина с наливкой!..

ЗАПРЕТНАЯ КНИГА

Казанский губернатор князь Баратаев пригласил придворного актера Бобровского руководить любительским театром. Представления начали давать в одном из казенных зданий по Воскресенской улице. А капельмейстером в театре по специальному разрешению стал Павел Протопопов, студент богословия, учившийся в Казанской семинарии.

Этот веселый, никогда не унывающий молодой человек обладал многими талантами. Он пел, играл на скрипке и флейте, сочинял стихи и переводил с французского и итальянского...

Семинаристам в театр ходить не разрешалось, но Павлуша Протопопов умел провести на спектакль любого.

А Саня очень любил театр, был дружен с Протопоповым и старался не пропустить ни одного представления. Вот и сегодня, надев темно-зеленый суконовый кафтан и напомадив волосы, Саня крутился перед зеркалом.

— Носовой платок не забыл? — насмешливо спросил Никита, наблюдавший за его приготовлениями.

— Не-ет, — добродушно улыбнувшись, Саня достал из кармана платок и показал Никите. Носовые платки были семинарским новшеством, недавно введенным Амвросием. Бурсаки, не отличавшиеся чистоплотностью и благообразием — большинство ходило в старых кафтанах и рваных сапогах, а бывали случаи — и в лаптях, носовые платки презирали.

— Никита! Пошли с нами, — снова начал уговаривать Саня. — Ведь сегодня новый спектакль! Павлуша места в оркестре приготовил — нас никто и не увидит! Вася Весновский обязательно будет. А после спектакля с какими людьми познакомишься! Гаврила Петрович Каменев — первейший казанский поэт, образованнейший человек с тонкой, чуткой душой... А Москотильников?! Его сочинения печатались в журналах Новикова! Знаком со множеством интереснейших людей — здесь и сенаторы, и поэты... Состоит в переписке с Карамзиным и Дмитриевым... Обещал после спектакля прочесть нам стихотворение, написанное Карамзиным в защиту арестованного Новикова. Какое время! Новиков томится в Шлиссельбургской крепости; во Франции революция — взята Бастилия, казнен король... А ты?! Занимаешься с Амвросием толкованием библейских историй. Стыдись! Кстати, и твой любимый учитель Поликарпов с нами будет. А какие книги у Каменева и Москотильникова — таких ты и не видывал никогда!

— Ну и что тебе, к примеру, из этих книг понравилось?

— А вот хоть повесть Карамзина «Бедная Лиза»! В «Московском журнале» напечатана. О любви одной крестьянской девушки к барину. Мы все ее читали. И не буду от тебя таить — у меня слезы текли ручьем.

— Принеси!

Через неделю торжествующий Саня размахивал книжкой «Московского журнала».

— Читай!

Прочитал Никита и вернул с досадой:

— И чего ты, Саня, слезы-то лил? Много ли ты видывал дворян, рыдающих над могилами крестьянок? Или еще лучше — мужика, который... Подождика, сейчас тебе точно скажу, — Никита полистал журнал и насмешливо прочел: «... который был довольно зажиточный, потому что любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь». Куда как просто, оказывается, мужику стать зажиточным! Нет, дорогой друг Саня, уж лучше я буду читать Тацита и Плутарха!

— Сердце у тебя засохло, Никита. Всем нравится «Бедная Лиза». И Таня Саблукова над ней всю ночь проплакала.

— Я и сам готов плакать над крестьянской девушкой. Жизнь у нее суровая. Только Лиза-то эта и рядом не стояла с настоящей крестьянкой.

— А можно мне узнать, о чем это вы с Амвросием каждую субботу беседуете?

— У тебя все насмешки. А ведь и священнослужители бывают разные. Вот ты хвалил Карамзина за стихотворение, написанное в защиту Новикова. А слышал ты, что сказал о Новикове Платон Левшин, московский митрополит? Ему императрица велела испытать Новикова в религии. И что же он ей ответил? «Молю бога, чтобы во всем мире христиане были таковые, как Новиков!» Вот тебе благородный ответ. Вот честный и мужественный поступок. Сумароков

восхищался сочинениями Левшина и, представь себе,— даже Вольтер!

— Сознайся — уж это ты придумал? — удивился Саня.

— Мне Амвросий рассказал. Ведь они с Платоном Левшиным друзья много лет. Вольтеру понравилась речь нашего митрополита о Петре Великом. Эту речь послала ему императрица.

— Хочешь служить богу, Никита?

— Хочу служить отечеству, Саня. Человеку с юношеских лет следует знать свое назначение в жизни, быть готовым выполнить свой долг. Посмотри вокруг! Ведь мы живем в Казанском крае. Здесь почти все население — татары, черемисы, мордва, чувашы. А ведь они не знают не только грамоты, но чаще всего — и русского языка. Любой канцелярист, размахивая пустой бумажкой, может над ними измываться сколько ему захочется. Давно ли с помощью солдат, плетей, батогов и тюрем приводили их «к святому крещению»? Давно ли на казанских улицах хватали детей, насильно крестили и сажали в Зилантов монастырь — «на воспитание»? Ведь я чуваш, Саня... Ведь это мой народ забит, темен и беззащитен...

— Что же ты хочешь делать, Никита?

— В сочинении Герарда Миллера о чувашах написано: «упомянутые народы пребывают в крайней слепоте своего невежества...». Саня! Я хочу, чтобы мой народ вышел из невежества. Хочу, чтобы у него были книги!..

— Никита! А ведь Москотильников — помнишь, я тебе про него говорил? Умнейший человек! — «Бедную Лизу» тоже не очень жалует. Он говорит, что на Руси только и есть одна настоящая книга, но... — Саня перешел на шепот, — она под запретом. Сохранилось всего несколько экземпляров — остальные сожгли.

— А сочинителя в Сибирь сослали...

— Так ты знаешь эту книгу?

— «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем: то, чего отнять не можем, воздух. Да, один воздух», — тихим взволнованным голосом прочитал наизусть Никита. — Сочинителя зовут Радищев, а книга — «Путешествие из Петербурга в Москву». Угадал?

— Так вот какие богослужебные книги ты читаешь! Где же ты достал ее? Наверное, Поликарпов дал?

— Еще во времена римского императора Тиберия жгли опасные сочинения, однако ж они не погибли! Живут — и мы их читаем. Мысль в огне уничтожить еще никто не смог. Сочинение Радищева, имея великую опасность, люди от руки переписывают. Вот отсюда мы с тобой эту книгу и знаем.

ДЕД ДАНИЛА

Дед Данила накормил Илюшку кашей и, взяв его на руки, вышел, кряхтя и тяжело вздыхая, за ворота.

— Хорошо-то как вокруг, — бормочет дед в редкую седую бороду, — хорошо... Солнышко светит, птицы свои песни поют... Смотри, Илюшка, красота-то какая на земле...

Старый дед — перевалило за семьдесят, тяжело ногами передвигать, но каждое утро вылезает из избы с тайной надеждой: вдруг нагрянет Никита! Со дня на день должны его отпустить на лето из семинарии.

Да, подросток его старший внук, совсем парень стал, а кажется, давно ли родился? Учился ходить у него в Акулеве... Жили тогда все вместе, большой семьей, а нынче уж многих нет...

— Ох-хо-хо, — тяжело вздохнул дед и тряхнул головой, как бы отгоняя грустные мысли. Голова у деда

седая, а брови черные, густые. И под ними — ласковые, живые раскосые глаза.

Присел дед на скамеечку, прижал к себе маленького внука и снова заохал, забормотал себе под нос:

— А бабушка-то тебя, Илюшка, так и не увидела. Вот уж пять лет, как нет твоей бабушки на белом свете... Страшные, голодные годы были тогда. Людей косила смерть десятками. О хлебе забыли. Все шло в еду — и толченое сено, и трава, и кора деревьев. От голода и дядя твой Иван скончался в тот год, и братишка Степушка... Кхе-кхе,— закашлял, закричал дед.— С той поры и не могу больше жить в Акулеве. Тоскую... Вот так-то, Илюшка, и перебрался сюда, к сыну Якову... Твоему батюшке. Здесь мне на душе полегчало...

Дед Данила снова вздохнул. Илюшка посмотрел на него блестящими, как ягоды, черными большими глазенками и вздохнул тоже.

— Ну и озорник! — улыбнулся дед, покачав головой.— Озорник... Растешь всем на радость. А ведь сколько горя в доме у Якова-то было. Братишка твой Мартинаш немногим больше годочка на свете прожил. Слабым родился после голодных-то лет. Только ветер подул — он уж и не выдержал, заболел. В несколько дней его не стало. Уж как матушка-то твоя Акулина убивалась, места себе не находила... Вот я и говорю, что родился ты всем на радость, на утешение родителям...

Дед снова приложил руку к глазам. Кто же это там бежит? Никак, дьяконица. Нет ли каких известий? Ведь ее сын Иван вместе с Никитушкой в семинарии учится.

- Ой, Данила Семенович, новости у меня!
- Отдышись-ка сперва, а потом говори.
- Некогда дышать-то! Едут!
- Кто едет?

— Как кто? Иван мой с вашим Никитой!

— Откуда проведала? Ведь и верно: со дня на день ждем!

— Семинарист один по пути в свою деревню зашел. Иван его попросил. И еще передал письмо. Вот!— Она торжественно достала из-за пазухи слегка помятый листок бумаги и протянула деду.— Прочитать бы надо!

— Слаб я глазами-то теперь стал,— осторожно беря листок и бережно его разглаживая, сказал дед.— Не разобрать мне. А чего ж твой дьякон не прочел?

— Так они же сегодня по дворам с отцом Яковом ходят!

— А-а, забыл. Памяти не стало совсем. Погоди-ка! Майпике у нас. Она прочтет.

— Майпике! Акулина!— закричал, проходя в сад, дед.— Идите сюда скорее!

Майпике тут как тут.

— Что, дедушка Данила?

— Письмо от Ивана пришло. Может, там и про нашего Никиту написано. Прочитай-ка нам, доченька, будь ласкова.

Сели в саду на скамеечку. А вокруг столпились сбежавшиеся на крик домочадцы: Акулина Степановна, Танюшка, Матрешка. Всем не терпится узнать новости.

— «Дорогие батюшка и матушка!— начала читать Майпике звонким голосом.— На днях приеду. Пеките пироги. Будем скоро, так как по просьбе господ Саблуковых, к которым Саня Карсунский вхож, обещали нас с Никитой подвезти с купеческим обозом, что в Чебоксары снаряжен...»

— Хорошо Иван написал,— одобрительно кивнул дед.— Толковый парень.

Дьяконица просияла.

— А уж как вашего-то Никиту уважают в семинарии! Мне Иван рассказывал: сам архиепископ Амвросий его к себе приблизил. Прямо-таки приворожил его Никита.

— Да ведь и твой Иван всем удался,— вступила в разговор Акулина Степановна.— Не бездельник! А мой просто над книгами больше корпит. День и ночь. Кажись, больше ему ничего-то в жизни и не надобно...

— Уж больно, матушка, к учению востер твой Никита, уж так шибко востер! Чего только не знает! Даже греческий язык, сказывает Иван, знает. И рисует, и стихи пишет. Все в один голос говорят: из него не простой человек выйдет. Ой, не простой...

— Полно тебе, дьяконица, Никиту возносить. Оба парня хороши!— прервал ее дед Данила.— Подумай-ка лучше, чем встречать-то будем? Ведь в семинарии, поди, впроголодь они живут. Сам учился — так по тем временам у нас в классе больше половины учеников от холода и голода поумирали. Учиться было — все равно что каторгу отбывать...

— То ж давно было!

— А ты спроси у Якова, как он живот-то поджимал в семинарии. Вернется, бывало, домой — глаза как две огромные плоски с голодухи... Ну, хватит болтать! Чего приготовим-то?

— Пирогои! Иванушка просит пироги.

— А пельмени? Никита пельмени любит!

Прижал дед Данила к себе Илюшку:

— Братец твой едет, братец Никита!

— Никита едет!— отчаянно взвизгнула Татьяна и побежала за ворота — рассказать подружкам приятную новость. За ней стремглав с визгом понеслась Матрешка.

А перепуганный Илюшка громко заревел от непривычного шума.

— Майпике, ну признайся!

— Открой секрет!

— Какой?

— Как ты стала такой красивой?

— Говорят, тебя бабушка Шерпике заколдовала! Майпике только смеется в ответ.

— А ты не смейся!— рассердилась Татьяна.— Я тоже хочу быть красивой!

— И я! И я!— подхватила Матрешка.

— Ох, девки, от зависти-то скорей морщинами покроетесь,— проворчал дед Данила.

— Хочу быть красивой!— вдруг заревела Матрешка.

— Чего ревешь-то?— досадливо буркнул дед.— Вот вырастешь — и ты, как Майпике, красавицей станешь. Помнишь, что про нее проезжий барин сказал? «Бывал,— говорит,— я во многих странах, но такой красавицы нигде не видывал...»

— Не плачь,— продолжая смеяться, сказала Майпике и погладила Матрешку по голове.— Сейчас я тебе открою свой секрет. Меня, и правда, бабушка научила. Ну, самое главное: ешь каждый день овсяную кашу! От нее щеки всегда будут румяными. А голову мой отваром ромашки — волосы будут мягкие, блестящие. Ромашка и для лица хороша — завари, остуди и умывайся по утрам. Вот увидишь — кожа у тебя станет гладкая и красивая. А вам, дедушка Данила,— повернулась она к деду,— тоже ромашка пригодится. Она от боли в ногах помогает и при воспалении глаз. Ромашка-то везде цветет, только соберай!

— Спасибо, доченька,— расчувствовался дед Данила.— Посмотришь на тебя — и на душе теплее становится. Ты у нас как ясное солнышко: и птица при

тебе, кажись, радостнее поет, и дерево веселее шелестит.

...А жилось Майпике ох, как трудно! Бабушка чувствовала себя плохо, день и ночь лежала на печке. И отцу от старых ран становилось все хуже и хуже. Работала Майпике не покладая рук, с утра до вечера. Но подати заплатишь — и опять в доме пусто. К весне почти всегда без хлеба оставались. Жили впроголодь. И все же не любила жаловаться Майпике. Была всегда веселая, пела песни.

Семейство отца Якова стало для нее совсем родным. Особенно подружилась она с Татьяной. Называла ее своей акам.* Часто прибегала Майпике к ним во двор. Все ей было здесь мило, потому что все напоминало Никиту.

Никита... Кажется ей, что любит она его всю жизнь, с первого взгляда, с первого осмысленного слова. Ради него научилась грамоте, ради него хочет быть красивой. А он об этом и не знает. Никто не знает. Только одна кугамай** догадалась. Не одобряла она Майпике, но говорила: «Что тут поделаешь, внученька. Лишь в одном человек не имеет воли — в своей любви. Выходит, судьба у тебя такая».

Как только узнала Майпике, что скоро приедет Никита, так и лишилась покоя. Каждый день нет-нет да прибежит поближе к дому Никиты.

— Тетушка Акулина, не надо ли помочь?

Однажды пришла Майпике во двор к отцу Якову, взяла коромысло с ведрами, собралась за водой. Только вышла за ворота — глядь, идут семинаристы. Огромный неуклюжий Иван, а рядом — высокий, стройный и ловкий Никита. Сердце ее тревожно забилося. Опустила ведра и неизвестно почему спряталась

---

* Акам — (чув.) названная сестра, подруга.

** Кугамай — (чув.) бабушка.

за деревьями, стала наблюдать. Вот поравнялись они с избой дьякона Семена Михайлова. Иван вбежал к себе во двор, а Никита, помахав ему рукой, зашагал к своему дому.

Вот он все ближе и ближе. Походка легкая — летит, словно птица. Каждое его движение, быстрое, нетерпеливое, заставляет сердце биться сильнее. Ах, лучше него нет никого на свете! Какие у него темные, горячие глаза — посмотрит, как будто опалит огнем. Как боится она, как страшно заглянуть ей в его глаза...

Нет-нет, никогда не бывать ее счастью! Майпике прислонилась к дереву, прижалась горячей щекой к шершавому стволу. Какую радость может дать ему она, деревенская девушка? Лучше бы забыть его. Выйти замуж за парня из соседней деревни, иметь семью, жить, как люди. Не мечтать о жар-птице. Но как выбросишь его из сердца, когда просыпаешься и засыпаешь с его именем? Когда кроме него ничто не мило на всем белом свете? Разве забудешь его? Нет, этому не бывать! Ради него она пошла бы на смерть, вынесла бы любое страдание... Лишь бы ему было хорошо. Лишь бы ходил он по этой земле своей легкой, крылатой походкой, был счастлив и читал свои любимые книжки... А ей бы только видеть его хоть издали, хоть иногда...

Никита прошел мимо, не заметив ее. Майпике, уже не таясь, вышла из-за деревьев и смотрела ему вслед. И не могла насмотреться. Вот он открыл ворота, вошел во двор родного дома...

Майпике в последний раз проводила его глазами и, перекинув через плечо коромысло, пошла за водой. А когда возвращалась — не шла, летела. Не чувствовала на плечах тяжелых деревянных ведер. Сердце переполняло счастье: Никита приехал!

— Майпике! — навстречу ей стремительно шел Никита. — Ты же видела меня. Почему не показала?

— Я с пустыми ведрами была, потому и спряталась! Ведь это плохая примета!

— А ты веришь в приметы?

— Конечно! Вчера ты Татьяне приснился — и вот приехал!

— Так ведь Иван письмо к родителям посылал. Разве они не получили?

— Получили. Я это письмо для всех вслух читала.

— Не разучилась читать? Я тебе книгу привез. В ней рассказано о том, как лечить травами.

— Ой, спасибо! — Майпике радостно посмотрела на него. — Я и не знала, что такие книги на свете есть! А что же мне для тебя хорошего сделать?

— Ты же знаешь! Песню спой, сказку расскажи!

— И для чего ты их все время записываешь? Разве это кому-нибудь интересно — чувашские песни, сказки?

— Конечно, интересно. И не только нам с тобой. Помнишь, я тебе про семинарских учителей рассказывал — Челнокова, Поликарпова? Они меня все время просят песни и сказки собирать. Даже сам преосвященный Амвросий чувашскими творениями интересуется. У него есть замысел: напечатать в типографии сборник народных песен и сказок.

— Так тебе не меня надо слушать, а бабушку, — задумчиво сказала Майпике. — Правда, старенькая она совсем стала. Редко поет. Но ради тебя — попробую попросу!

БАБУШКА ШЕРПИКЕ

Бабушка у Майпике была особенная. Она умела лечить людей, угадывать погоду и даже предсказывать человеческую судьбу. Знала она также необыкновенное множество песен, сказок, поговорок и зага-

док. Никита любил ее слушать, но она почему-то его не очень жаловала. Виделась с ним неохотно и еще с меньшей охотой рассказывала.

Но вот однажды пришла Майпике и сказала:

— Никита, кугамай хочет тебя повидать. Пойдем, обещала сказки тебе рассказать.

Лицо у бабушки все в морщинах, как печеное яблоко. Посмотрела на Никиту маленькими хитрыми глазками — как насквозь увидела.

— Люди говорят: на добро отвечай добром. Ты научил мою внучку читать. Подарил ей книжку о травах. Как тебя отблагодарить? Что могу тебе дать? В этом доме все богатство — песни и сказки. Рассказывать ли?

— Да, да! — вырвалось у Никиты.

— Так слушай!

...Много спела песен и рассказала сказок бабушка в этот вечер: и про то, как пришли в былые времена на эту землю чуваша из далекой горной страны, и какие богатыри и великаны они прежде были — доставали головой до облаков, и про то, как храбро они сражались вместе с удалым атаманом Степаном Разиным и добрым царем Емельяном Пугачевым. Пела и пела бабушка старческим дребезжащим голосом и, казалось, не знала усталости. И вдруг замолчала. Сидит, глаза закрыла, раскачивается из стороны в сторону и молчит.

Никита испугался, подумал, может быть, с ней плохо стало или она заснула, но Майпике посмотрела на него предостерегающе и приложила палец к губам:

— Ш-ш!

Бабушка открыла один глаз.

— Ты, внученька, не шипи! Хоть и закрыты у меня глаза, но я все вижу, про все догадываюсь. Так-то, парень! — Она метнула пронзительный взгляд на Ни-

киту:— Знаю, знаю, о чем ты мечтаешь! Мой тебе совет — береги пугане!

Никита чуть рот не открыл от удивления: откуда она знает про пугане?

А бабушка радостно захихикала. Казалось, она наслаждается его удивлением.

— Откуда знаю — это хочешь спросить? Я же говорила много раз: про все знаю! И про то, что на земле делается, и про то, что на небе происходит! Смотри же,— она погрозила ему пальцем,— счастье — что птица, вспорхнет — не поймаешь! Потеряешь пугане — потеряешь все!

— Кугамай,— сердито вмешалась Майпике,— не приставай к Никите...

Но бабушка будто и не слышала ее слов. Она перестала хихикать, снова закрыла глаза и проворчала глухим усталым голосом:

— Э-э, детки, судьба человека известна от рождения. Кому Пюлех дает счастье, а кому горе. Болит, болит мое сердце, чувствует — не будет вам счастья. Нет, нет, не будет... Слишком много вам дал Пигамбар*: и ум, и красоту, и сердце...

— Кугамай!— гневно прервала ее Майпике.— Не говори так! Я знаю — Никита будет счастлив!

Бабушка вздрогнула, открыла глаза и виновато заморгала:

— Ну, ну, не сердись. Конечно, он будет счастлив, если ты этого хочешь!

...Долго не мог уснуть Никита в этот вечер. Все думал: откуда бабушка узнала про пугане? Может, Майпике рассказала? Ну, а про то, что бережет он эту синеглазую смешную куколку, никогда с ней не расстается? Об этом ведь никто не знает... Вот и сейчас

---

* Пигамбар — (чув.) доброе божество, наделяющее людей душевными качествами.

она у него спрятана в сундучке, вместе с любимыми книгами. Когда никого нет вокруг, он часто на нее любуется... И все-таки здесь есть какая-то тайна. И она имеет отношение к Майпике. Платице на куколке так искусно расшито мелким узором! А в деревне все знают, что только Майпике умеет так красиво вышивать...

«ПРЕКРАСНЫ ЛЕТНИ ДНИ...»

Было жарко. Выкупавшись в реке — за нынешний день в третий раз, — Никита вернулся домой. На душе у него, как никогда, было радостно и легко. И неожиданно для себя он запел во все горло:

Прекрасны летни дни, сияя на исходе,
Богатство с красотой обильно сыплют в мир...

Послышался легкий шорох и звон ожерелья. Он сразу догадался:

— Майпике! Опять прячешься?!

— Я не прячусь! — перед ним появилась сияющая Майпике. Сверкнули в радостной улыбке белые зубы. — Это ты поешь, как соловей, никого не видишь! Хорошая песня... Неужто сам сочинил?

— Не-ет. Это стихи Ломоносова.

— У тебя есть эта книга?

— Книги нет. Мы в семинарии стихи, которые нравятся, обычно в тетрадки переписываем. И у меня тоже такая есть.

— А кто этот Ломоносов? — снова с любопытством спросила Майпике.

— Великий ученый и поэт, а родился в мужицкой избе...

— Ну?!

— Чего ж тут удивляться? Думаешь, мало по деревням талантов? Вот хоть ты...

— Я?!— смеется Майпике.— Ну, таких, как я, много, конечно! В каждой деревне — как травы на лугах...

— Таких, как ты, больше нет на свете,— глухо сказал Никита и отвернулся, чтобы скрыть свое смущение.

Майпике перестала смеяться и притихла.

— Преосвященный велел нам лечебные травы собирать,— быстро проговорил Никита, решив перевести разговор на другую тему.— Для семинарской больницы. Поможешь?

— Помогу,— охотно кивнув головой, сказала Майпике.

Оба замолчали. Никите показалось, что в наступившей напряженной тишине слышно, как гулко бьется его сердце. То, о чем они сейчас говорили, не имело никакого значения. Но каждый думал об одном и том же, о своих затаенных чувствах, сказать вслух о которых они не решались.

— Майпике! Почему ты так часто поешь грустные песни?

— А ты не знаешь?

— Нет!

— Забыл, что ли?! Ведь я тебе говорила: когда раздавали счастье, чуваш онучи завязывал и опоздал! Вот потому у нас много грустных песен.

— Хочу, чтобы ты всегда была веселой!

— Тогда выполни мое желание,— глаза у Майпике стали хитрыми.

— Какое?

— Ведь я любопытная, ты знаешь. Скажи, для чего ты все время чувашские слова записываешь?

— А ты заметила?— улыбнулся Никита.— Ладно, скажу. Рядом с каждым чувашским словом я пишу

такое же русское. Хочу словарь составить. Нет еще такого словаря. Только пытались его сделать. И не только словаря — у нас нет алфавита, нет своей письменности. А без этого народ как прикованный к скале богатырь из сказки твоей кугамай,— увлекшись, Никита говорил громко, взволнованно:— Как хотелось бы мне составить словарь, создать алфавит, написать букварь, в котором были бы использованы чувашские сказки, песни, загадки! Тогда ребятишкам легче было бы учиться грамоте. Много у меня замыслов, не знаю, хватит ли жизни, чтобы их выполнить...

Никогда еще Никита не говорил с такой страстью. Майпике слушала, затаив дыхание. Сердце ее билось сильно и часто. Казалось, оно вот-вот разорвется от чувств, которые его переполняли. Скажи ей сейчас Никита: прыгни в костер, в пропасть, пойди с ним на край света — все бы сделала. И была бы самой счастливой на свете!

А Никита самозабвенно продолжал:

— Я много раз слышал, как дед Данила говорил: «Не знаем, откуда мы...» А я хочу об этом узнать! Хочу написать историю нашего народа. Поможешь мне?

— Как же я помогу тебе, Никита?—растерялась Майпике.— Ведь я совсем ничего не знаю...

— Ты все знаешь! Слушай, сколько книг я перерыл, но еще так мало известно о чувашах. Их даже часто путают с черемисами. А учитель Челноков — у него мечта написать историю всего Казанского края — мне без конца твердит: «Ты послушай песни, посмотри резьбу на воротах какой-нибудь деревенской избы, взгляни повнимательнее на чудесные узоры крестьянских вышивок — и ты почувствуешь, что душа народа жива, в ней есть и поэзия, и ум, и чувства, каких не встретишь и в самых роскошных гостиных. История народа — в его песнях и сказках!»

— Ах, вот почему ты меня все просишь песни петь. А я думала, что тебе мой голос нравится!—Майпике так волновалась, что едва понимала, о чем она говорит.

— Мне очень нравится твой голос,— тихо сказал Никита

Он сказал это так проникновенно, что Майпике покраснела и опустила глаза.

И снова наступила напряженная тишина.

С трудом справившись с охватившим ее смущением, Майпике начала говорить, запинаясь и торопясь:

— Никита! А ведь кугамай говорит, что чувашки умели писать... Только давным-давно это было. Очень давно... И знаешь, она считает, что старинные узоры на вышивках — это какие-то слова, они о чем-то рассказывают... Только никто уж теперь не помнит о чем... Вот узнать бы!

— Я узнаю!

— Может, и узнаешь... Ведь старики давно говорят: «Придет умный храбрый человек и поможет чувашам!» Не про тебя ли?

— Ох, и насмешница ты, Майпике!

ПИСЬМО

Летом 1794 года Никита и Саня немного задержались в Казани. Никита намеревался внимательнее познакомиться с сочинениями, рассказывающими о народах Поволжья, а Саня собирался позаниматься теми предметами, которые ему осталось пройти, чтобы догнать Никиту. Друзья решили закончить семинарию вместе.

Архиепископ Амвросий обратил внимание Никиты на любопытное сочинение, изданное на французском

языке в Амстердаме. Это был дневник студента Товия Кенигсфельда, участника путешествия академика Николая Делиля в Сибирь. Путешествие было совершено в 1740 году с целью астрономических наблюдений.

Особый интерес для Никиты представляли записи, относящиеся к впечатлениям от поездки по Чувашии. Их ценность и своеобразие заключались в редкой выразительности и доброжелательности изложения.

«Чтобы немного отдохнуть, мы решили зайти в первую встреченную чувашскую избу,— с живостью читал Никита.— Хозяйка, толковая молодая женщина, приготовила ужин, который нам очень понравился. Так как она была не прочь пошутить, то мы непринужденно болтали с ней с помощью нашего переводчика, хорошо владеющего чувашским языком. Эта женщина — с густыми волосами, прекрасным сложением и миловидными чертами напоминала мне своим видом итальянку...»

Никита оторвался от книги и улыбнулся. Ему было бы приятно познакомиться с этим студентом, путешествовавшим по Чувашии более пятидесяти лет назад. Если бы он жил нынче, они могли бы стать друзьями. Не так уж часто среди довольно большого количества литературы, которую ему приходилось читать, встречались записи, близкие к истине и добрые.

Размышляя, Никита машинально нарисовал на листе бумаги, лежащем перед ним, девушку — стройную, прелестную, с лукавым взглядом из-под пушистых длинных ресниц. Майпике...

— Тебя за этими огромными фолиантами и не видать! — раздался веселый голос Сани. — Чего это ты тут изучаешь? — Он раскрыл одну из книг и громко прочел: — «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» Серьезное сочинение! Написал Георги, издано в Петербурге...

— Саня! Как хорошо, что ты пришел. Вот, послушай,— Никита торопливо полистал страницы:— «Некоторые из чувашских женщин очень красивы, разговорчивы, имеют тонкие черты лица и стройный стан. Большинство из них чистоплотны...» Это я тебе прочитал, как написано у студента Товия Кёнигсфельда. А вот что сообщает о чувашах в своем «Путешествии по разным провинциям Российской империи» Паллас: «Женский пол по большей части лицом нарочито пригож...»

— Ну, любезный друг мой,— с важностью начал Саня,— заметил я, что твои научные исследования несколько однообразны. Вчера ты здесь передо мной листал тоже довольно обширное сочинение... погоди, погоди, как же оно называлось? «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства...» Ивана Лепехина? Так?

Никита кивнул, улыбаясь во весь рот.

— И что же ты мне оттуда с особой выразительностью прочел? «Женский пол у чувашей весьма рабоч...» И рисунки у тебя, братец ты мой, идут в том же направлении,— метнув быстрый взгляд на лист бумаги, лежащий перед Никитой, Саня весело ему подмигнул.

Никита попытался закрыть рисунок рукой, но было поздно. Оба засмеялись.

— А я вот чего тебе принес,— Саня протянул ему письмо.— Из дома, наверное, пришло.

Никита испугался: не в обычае родителей было посылать ему письма. Торопливо развернув конверт, он начал быстро читать. Лицо его побледнело...

— Что случилось?— встревожился Саня.

— Беда у нас в доме,— Никита потерянно посмотрел на друга.— Отец чуть живой лежит...

— Заболел?

— Да тут целая история... Ходил на помощь к

Синеру. Ты знаешь, это отец Пикмета, моего друга детства. Я тебе говорил про него... Ну, выпили, конечно, как на помочах полагается. Вернулся отец домой и лег отдохнуть в шалаше, что стоит у нас в яблоневом саду. Крепко уснул. А во время сна кто-то подкрался и отрубил ему топором четыре пальца на левой руке. По самую ладонь...

— Кто же это был?

— Отец не разглядел. Вскочил с постели, выбежал во двор... Видит: какой-то неведомый человек перелезает через забор, но кто это был — не узнал... Болен сейчас отец, службу справлять не может. Пишет, что подал прошение в консисторию, чтобы его место предоставили мне. Надо поскорей оформлять все нужные бумаги — и домой!

В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

У купца, где Никита давал уроки, отнесли к его беде сочувственно и помогли найти попутчика. Быстро закончив все дела, Никита отправился в путь.

...Ямщик тянул какую-то унылую бесконечную песню. Время от времени он приостанавливал свое пение и выкрикивал ленивым, равнодушным голосом названия деревушек, мимо которых они проезжали.

Никита с печалью смотрел вокруг. Зеленые солнечные рощи, крепкие вековые дубы, певучая чувашская речь — все так знакомо и близко с детских лет. И так же знакомы жалкие, черные от копоти, кособокие чувашские избы, сиротливо прячущиеся по лесам и оврагам...

Сердце томила тревога. Отец прямо не писал, кто его искалечил, но Никита хорошо знал деревенскую жизнь и читал между строк. Он понимал, что здесь не обошлось без попа Петра.

Жаловались на него мужики. Три года назад снова подали челобитную в консисторию, в которой слезно рассказали обо всех его безмерных злодеяниях, побоях и вымогательствах. Однако толку, как и прежде, из той жалобы не вышло. Похоже, была у попа Петра своя рука в консистории. Недаром, совершая свои бесчинства и будучи во хмелю, он частенько выкрикивал: «Пусть сколько хошь заплачу, но убью!»

Не подговорил ли сейчас кого-нибудь поп Петр, чтобы напал на отца? Ведь давно злится, подозревает, что это Никита помогал сочинять крестьянам на него жалобу...

Погруженный в невеселые размышления, Никита и не заметил, как доехал. Вот уже совсем близко дорога к родному селу. Он попросил остановиться. Дальше пойдет пешком. Хотелось успокоиться и собраться с мыслями.

...Едва узнал родную избу Никита. Было в ней непривычно тихо. Отец лежал на нарах, за занавеской, и стонал, забывшись тяжелым сном. Никиту встретила мать. Она сильно изменилась. Всегда красивая, нарядная, а тут — волосы едва причесаны, и в них заметны седые пряди.

Крепко обнял Никита мать, усадил. Стараясь скрыть тревогу, спросил, оглядывая избу:

— Что же у вас случилось-то? Рассказывайте!

Подошел, кряхтя, дед Данила. А за ним — сестрички. Крепко схватившись за руку Татьяны, с любопытством уставился на брата Илюшка. Ему уже исполнилось три года.

— Сестрички! Посмотрите-ка, чего я вам привез, — Никита развернул на столе подарки. — Матрешка! Накинька платок! Ты в нем будешь красавицей!

Матрешка улыбнулась, но платок мерить не стала.

— Говорите прямо! Чего скрывать? — вырвалось у Никиты. — Неужели опять поп Петр зверствовал?

— Еще как зверствовал-то, — неожиданно всхлинула мать. — Боимся из дома выходить. Грозит убийством. Всю семью хочет извести. А ведь он может. Ты знаешь...

— Как все было? С самого начала расскажите!

— Поутру это случилось, в самом начале августа, — немного успокоившись, начала мать. — Остановилась я возле дома поговорить с соседкой, а тут откуда ни возьмись поп Петр. Как всегда, пьяный. И давай меня ругать самой скверной бранью. Не могу тебе и повторить... А потом... ударил кулаком по лицу. Весь нос расшиб до крови. Еле вырвалась я от него — убежала домой.

Мать замолчала. Тяжело ей было рассказывать обо все этом Никите.

— Продолжайте, матушка, — сдерживая волнение, попросил Никита. — Ничего от меня не таите. Я должен знать всю правду...

— И впал тут поп Петр в такое бешенство, что уж и не остановить его было. Схватил полено, залез на забор и начал оттуда в неистовстве кричать: «Хоть сто рублей заплачу, а убью!»

Мать остановилась, не в силах дальше рассказывать.

— Где ж отец-то был?

— Его в тот день дома не оказалось. Потому поп Петр и осмелел, видать. И за что напал? Говорю тебе, сынок, по чистой совести — не знаю.

— А как же... как с отцом-то несчастье случилось? — напрягся всем телом Никита.

— Это было уж на другой день. Ты же знаешь, он писал тебе...

— Кто же его покалечил-то, а? Не проведали?

— Где уж там, — грустно покачала головой мать. — Ничего не узнали. Пусть господь того человека рассудит. А отцу очень плохо было. Крови поте-

рял много. В беспамятстве долго был, почти полумертвый... И до сей поры находится в крайней немощи... Что же будет, что теперь будет?

Мать закрыла лицо руками и заплакала.

— Ну, полно, матушка, не огорчайтесь,— ласково сказал Никита и погладил ее по вздрагивающей спине.— Ведь я теперь с вами. Не дам в обиду. И все наладится.— Услышав слова Никиты, мать немного успокоилась.— И немедля надо прошение писать: «Об оскорблении и избиении жены священника села Бичурина...» При этом случае свидетели есть. Чтобы поступили с Петром Прокофьевым по закону — за непотребное ругательство, побойство, а равно и за устрашение убийством,— гневно отчеканил Никита.

— Уже написали такое прошение, сыночек,— мать посмотрела на Никиту, улыбнувшись сквозь слезы.— А то бы и не позвали тебя. Ведь страшно. Как бы и с тобой ненароком чего не случилось. Теперь-то затих поп Петр. Видать, боится.

— Не он ли отца-то покалечил?— громко спросил Никита.— Ведь вы все на него думаете?

— Думать-то думаем,— вмешался дед Данила.— Грешны. Причастен он, видать, к злодейству, которое приключилось с отцом. Но ничего доподлинно не знаем. Того человека никто не видел. Ведь он убежал в глухой переулок, куда одной стороной наш сад выходит...

— Пусть в доме будет радость и здоровье!— раздался знакомый голос.

Никита стремительно оглянулся — в дверях стояла Майпике.

И показалось ему, что закоптелые стены избы озарило солнце — все засверкало и засияло вокруг.

...4 октября 1794 года из Казанской духовной консистории в Чебоксарское духовное правление пришел указ: «Об определении на священнический доход в

село Бичурино семинариста Никиту Яковлевича Бичурину в связи с болезнью отца Якова Данилова».

Никите исполнилось семнадцать лет. Он решил остаться священником в родном селе.

В СУМЕРКАХ

Октябрь начинался дождями. Целыми днями лило как из ведра. На грязных дорогах подолгу не просыхали унылые серые лужи. Под порывами безжалостного холодного ветра слетали с деревьев последние листья.

Наступал вечер. Выйдя из дома дядюшки Синера, Майпике поежилась. Дождь прошел, но воздух был сырой и холодный. Накинув на голову теплый платок, она заторопилась домой.

Все прячутся от холода по избам. Тихо вокруг. Майпике задержалась у дядюшки Синера. Трудно было уйти. Тетушка Ирнике все плачет и вспоминает о Мадусь, Тимми, Пикмете... Все они живы в ее сердце.

— Нет, ты послушай меня, Майпике! Потерпи уж, послушай! Ведь как случилось все у нас?— тетушка напряженно и жалобно смотрит на Майпике, пытаясь с ее помощью — в который уж раз!— понять свое горе.— Чего только мы с Синером не делали: и кашу носили киремети, и барашка молодого отдали, а все равно слабые были дети, уходили от нас один за другим...

— Не печалься, родная... Что случилось, то случилось. Теперь уж ничего не изменишь...

— Не изменишь...— покорно повторила Ирнике, глядя на нее с печальным недоумением.

Вспомнив стариков, Майпике снова поежилась. Дети у них были слабые, потому что жили они впро-

голодь. И почему так ведется на свете: у одних живот раздувается от сытости, а другие поджимают его от голода? Может быть, и кугамай еще пожила бы на свете, если бы не ослабла так от плохой еды... Как пусто в избе теперь. Каждый день они с отцом ее вспоминают...

А разве может быть так, чтобы всем людям жилось хорошо? Никита считает, что может... Он говорит, что все в жизни в руках самих людей, все можно изменить. Только надо учиться, побольше узнавать. Сила людей — в знаниях. И чувашаи учиться должны. Научатся грамоте — никто их не сможет обидеть...

Никита... Майпике весело улыбнулась. Холодно, осень пришла, а ей кажется, что солнце на небе перестало заходить. Так счастлива она, так хорошо ей, как никогда еще не бывало. Ведь она видит Никиту каждый день!

Майпике поправила на голове платок и, легко перепрыгнув через лужу, радостно помчалась домой. Вот уже забор попа Петра, теперь до ее избы — рукой подать. Но вдруг она остановилась как вкопанная. Ей явственно послышалось, что кто-то произнес имя Никиты.

— ... Точно, точно! Как кость в горле, этот Никита!

— Тише! Неровен час, кто услышит!

— Что ты, батюшка? Кто услышит? Все на печках храпят!

— Ну, так что решим?

— Кабы в шалашике-то ночевал, как прежде, Там просто: подкрался пока спит и — р-раз! Готово. Камнем или топором...

Кто-то гнусно захихикал.

«О чем это они? — тревожно подумала Майпике. — Один-то голос попа Петра, а другой... — Вроде знаком, но не поймет чей. — Похоже, однако, ой, похоже, что это тот самый человек, который покалечил руку отца

Якова. Недаром про шалаш вспомнил. Ой, недаром!»

— От этого щенка покоя не жди. Помеха всему. Точно мне сказали: ведь это он помогал донос на меня строчить,— злобно гудел голос попа Петра.— О-он! Самим-то киреметникам вовек так не придумать. И надо ж — горой за них стоит. Еще мальчишкой был — камни швырял!

— Швырял! Швырял!

— Да ведь эта нечисть бесчувственная только дубину и понимает. Бить и бить их — по башке, по хребту! Только так!

— Так, батюшка! Только так!

«А ведь это чуваш ему поддакивает,— с горечью подумала Майпике.— Верно, коштан* какой-нибудь. Чуваш против чувашей... Правильно говорит Никита: нет татарина, русского, марийца и чуваша, а есть богатый и бедный... Что делать? Ведь недоброе они затевают против Никиты...»

— Он с крестин нынче будет возвращаться из дальней деревни. Конечно, пьяный. Уж там его дивом-то до полусмерти напоят. Еле на ногах будет стоять. Вот тут и хорошо бы его... Подумают, что воры напали. Пропусти его вперед — да камнем по башке, чтоб упал, а там...

Майпике напрягала слух, стараясь узнать, что они надумали еще, но ничего, кроме неясных звуков и шорохов, больше не услышала.

«Никита никогда не пьет. Они об этом не знают. Судят по себе,— лихорадочно думала Майпике.— Что же делать?! Один выход: подождать и пойти следом. Ничего другого не придумаешь...»

Неожиданно раздались шаги, скрипнули ворота.

Майпике испуганно прижалась к забору. Слава Пюлеху, не заметили.

---

* Коштан — (чув.) мироед.

В воротах показался поп Петр. Посмотрел вокруг.
— Никого нет. Иди с богом!

За ворота, суетливо озираясь по сторонам, выскочил человек. Как ни вглядывалась Майпике, но узнать его не смогла: почти по самые глаза на лицо была надвинута черная войлочная шляпа.

Громко шмыгнув носом, человек повернулся к попу Петру:

— Все сделаю, батюшка. Как ты велел!

И быстро пошел вперед..

А Майпике заспешила следом, стараясь не попасться на глаза и не отстать.

Человек шел так быстро, что Майпике приходилось почти бежать. В сгущающихся сумерках она боялась потерять его из виду.

Вышли на дорогу. Пройдя некоторое расстояние, незнакомец свернул в сторону и, схоронившись под деревом так, чтобы его не было видно с дороги, стал ждать.

Майпике спряталась неподалеку.

Что же делать? Как предупредить Никиту? Какая же она все-таки бестолковая!

Так и не успела ничего придумать Майпике. На дороге появился Никита. Она узнала его еще издали — по походке.

Фигура под деревом зашевелилась, напряглась.

«Он хочет пропустить Никиту вперед и напасть сзади... Что же, что же делать?...»

Никита быстро к ним приближался.

Больше Майпике не смогла выдержать. Она рванулась что есть сил вперед, навстречу Никите, отчаянно закричав:

— Никита! Беги!..

Майпике летела, как птица. А за ней по пятам, хрипло и зло ругаясь, бежал мужик.

— Беги!— крикнула она еще раз изо всех сил.

И увидела над собой страшное, перекошенное от злобы лицо. Тяжелый удар обрушился на голову — и все покрылось тьмой...

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Никита наклонился над Майпике. Глаза ее были закрыты. По бледному лицу бежала тонкая струйка крови.

Никите стало страшно. Он осторожно приподнял Майпике за плечи и, глядя в ее помертвевшее лицо, позвал:

— Майпике!

Молчит Майпике.

В отчаянии Никита посмотрел вокруг. Тихо, спокойно, пустынно. Как будто ничего и не было здесь минутой назад. Где-то вдали мелькнула и быстро исчезла согнутая убегающая фигура.

Он снова наклонился над Майпике. Бормоча прерывающимся голосом какие-то бессмысленные слова, осторожно убрал с ее лица волосы, вытер кровь. Молчит Майпике.

Подобрав валявшийся рядом платок и бережно прикрыв им плечи Майпике, Никита поднял ее на руки и понес. Никогда еще не доводилось ему нести такой тяжелой ноши...

Майпике жила на самой окраине села, в стороне от всех. Как бы почувствовав недоброе, торопливо вышел, прихрамывая, навстречу Акташ. Увидев Никиту, старик сморщился, как от боли. Он открыл рот, сясь что-то произнести, но не смог.

Молча вошли они в избу. Никита бережно уложил Майпике на нары. При свете лучины ее лицо казалось особенно бледным, осунувшимся и непривычно строгим.

...Лишь под утро пришла в себя Майпике. Тревожно повела глазами, но, увидев Никиту, улыбнулась:

— Живой...

Акташ склонился над ней, поправил подушку и одеяло, боязливо спросил:

— Где болит у тебя, доченька?

— Голова... голова сильно болит...— пожаловалась Майпике.

— И кто же тебя так обидел?

— Это Никиту... Никиту хотели убить,— едва слышно сказала Майпике.— Какой-то коштан... По наущению попа Петра...

— Ай, жаловаться на него надо! Нехороший человек! Много раз жаловаться!— быстро, отчаянно начал выкрикивать Акташ.

— Кто поверит чувашке?— прервала его Майпике.— Жив Никита — и хорошо...

— И ты жива, доченька. Теперь все наладится, все хорошо будет. Сейчас я тебе овсяного киселя сварю... Силы придут, здоровье придет...

Акташ торопливо пошел к очагу. Оттуда продолжало доноситься его жалобное бормотанье:

— Ой, Пюлех! Скучно у нас в избе... Ничего нет. Пусто. Только одна дочка есть. Ох! Ничего не надо! Пусть только дочка будет... Всегда будет...

Майпике с трудом приподнялась на локтях.

— Никита! Мне хочется посидеть под старой липой... У нас во дворе. Помоги мне.

Никита накинул ей на плечи белый кафтан. Помог завязать платок и встать. Голова у Майпике кружилась, ноги не слушались. С трудом, опираясь на руку Никиты, вышла она во двор.

Ласково светило нежаркое осеннее солнце. За последнее время впервые выдался такой ясный, безветренный, теплый день.

Они сели на ветхую скамейку под липой.

— Как хорошо!— Майпике жадно вдохнула воздух и, ласково посмотрев на Никиту, тихо сказала:— Здесь мы будем одни. Мне хочется спросить у тебя, можно?

— Можно, Майпике! Тебе все можно!

— Помнишь, в детстве ты нашел как-то пугане? Еще кугамай велела тебе ее беречь? Помнишь?

— Конечно, помню. И не только помню — берегу!— Как ни тяжело было на душе у Никиты, он улыбнулся.— Очень она нравится мне. Такая же красивая, как ты.

— Ой!— смутилась Майпике.— Сейчас признаюсь тебе. Хоть и стыдно... Но ведь столько лет прошло с той поры... Знаешь, дети умеют сильно любить. Мечтала и я о тебе день и ночь. Вот кугамай и пожалела меня. Она ведь все понимала. Дала мне пугане. Показала, как нарядить ее, как вышить на ее платице и фартучке древние узоры... Кугамай считала, что в них заключены какие-то волшебные слова. Она не знала какие, но, утешая меня, часто говорила, что пугане обязательно приворожит тебя ко мне...

— Но ведь ты и без того приворожила меня!

— Правда?!

— А ты будто не знала?!

— Никита!— засияла, засветилась радостью Майпике, обдавая его солнечной синью счастливых глаз. Как будто все прошло, и ничего с нею не случилось. Как будто и не она только что еле-еле шла по двору.— Ой, Никита! Ты можешь смеяться надо мной, но мне хочется сейчас спеть тебе песню!

— Ну, что ты, Майпике,— испугался Никита.— Ты же слабая совсем. Потом споешь, когда станешь здоровой...

— Потом?.. Потом может и не получиться. Я уж лучше сейчас попробую...

Никита молча проглотил комок, подступивший к горлу.

Майпике глубоко вздохнула, собираясь с силами, и запела. В утренней тишине одиноко и трогательно звенел ее нежный голос:

Хочу стать быстрой ласточкой,
Чтоб прилететь мне к милому!
Ах, прилететь мне к милому....

Майпике перевела дыхание и, устало прислонившись к дереву, посмотрела на Никиту огромными, неожиданно ставшими темно-синими, глубокими глазами. На секунду в них мелькнула пронзительная грусть и тут же исчезла. Попробовав улыбнуться, она слабо махнула рукой и сказала:

— Нет, не могу петь...

Никита застыл в тяжком оцепенении. Страшное предчувствие снова сжало его сердце.

— Наклонись ко мне,—прошептала Майпике.— Она прикоснулась к его лицу легкой трепетной ладонью и посмотрела прямо в глаза:— Как давно мне хотелось заглянуть в твои глаза, и все боялась... Боялась, что узнаешь про мои чувства. Теперь ничего не боюсь...

Майпике обняла его за шею и прижалась горячими, как огонь, губами к его губам.

Сердце у Никиты забилося так сильно, что, казалось, вот-вот оно разорвется. Перехватило дыхание. Чувствуя, что слезы подступают к глазам, он судорожно глотнул.

— Не горюй,—каким-то незнакомым певучим голосом сказала Майпике,— мне хорошо... Я счастлива... И всегда была счастлива одним тем, что видела тебя... Ты раскрыл мне глаза на белый свет, я узнала от тебя так много. Спасибо. И в мой последний час ты рядом. О большем я в жизни и не мечтала.

— Нет!— в отчаянии вырвалось у Никиты.— Нет! Нет! Не говори так...

Она ничего не ответила, только крепче сжала его пальцы. И казалось, что от нее, слабой и больной, к нему идет горячая, живительная сила.

— Будь счастлив, Никитушка... Прощай...

Через несколько дней, не приходя больше в сознание, Майпике умерла.

ГРУСТНЫЕ МЫСЛИ

Никита сидел, склонившись над книгой, но читать не мог. Мысли, одна грустнее другой, не давали покоя...

Вот уже прошло два года с тех страшных дней, когда умерла Майпике. Горе придавило Никиту. Он не мог больше жить в селе. Все здесь напоминало ее: каждый встречный человек, каждое дерево, даже сам воздух...

Бывают поступки, которые, как молния, освещают человеческий характер. Убежать, струсить, оставить другого в опасности — это не было свойственно Майпике. Она спасла ему жизнь и погибла. Иначе она поступить не могла...

И вот он теперь один и так несчастен, как только может быть несчастен человек, на которого обрушилась беда, не оставив ни проблеска радости и надежды.

Так и не удалось разыскать человека, который искалечил отца, стал виновником гибели Майпике. Прощение с жалобой на попа Петра разбиралось в консистории. Но чувствовалось, что рассматривать его не спешили. Тяжко было в Бичурине. Временами Никита боялся, что не выдержит и убьет попа Петра.

— Сынок!— с грустью сказал ему однажды

отец. — Откликнулся ты, когда у нас была беда, — спасибо тебе. А теперь уж — другое дело. Рука у меня почти зажила. Смогу и сам службу справлять. Проживем! А ты уезжай... Изведет тебя здесь тоска. Учись, сынок! У тебя светлая голова. Пусть будет перед тобой большая дорога!

И Никита, вернувшись в семинарию, с головой окунулся в науки.

Время от времени из Бичурина доходили вести, чаще всего печальные. Не пережив смерти дочери, умер Акташ. За ним — дед Данила. Лишь в нынешнем году Казанская духовная консистория постановила наказать попа Петра: он был отправлен «на исправление» в монастырь, а затем переведен в село Байгулово. Будет, разумеется, теперь зверствовать там...

Тоска не проходила. Никите казалось даже, что со временем она стала сильнее. И все чаще в минуты отчаяния ему вспоминался совет Амвросия.

...Был яркий солнечный день. Они медленно шли по аллее старинного красивого парка архиерейской дачи. Шли молча, и это их не тяготило — каждый думал о своем.

Преосвященный только что вернулся из Петербурга, где император Павел собственноручно возложил на него орден. С первых дней воцарения на престоле государь благоволил к Амвросию и часто по разным причинам вызывал к себе. Зато с Никитой виделись они теперь редко.

— Ты заканчиваешь класс философии, — прервал молчание Амвросий. — Пора задуматься о будущем... Чувствую, что горести сгибают тебя, и хочу дать отеческий совет. Господь наградил тебя умом — быстрым, глубоким, ясным, созданным для науки. Было бы грехом зарывать сие дарование в землю. Но занятия наукой требуют тишины, уединения и спокойствия духа. Мой совет тебе: прими пострижение...

— В монахи?! Умереть живым?!— Никита с ужасом посмотрел на него.

— Не горячись, сын мой. Однажды моего учителя, ныне прославленного иерарха Платона Левшина императрица спросила, почему он избрал монашество. «По особой любви к просвещению!»— ответил он. Суета и житейские заботы, столь неизбежные в мирской жизни, не позволяют всецело отдать себя наукам. Ты еще начал свой путь, а сердце твое уже болит и раны кровоточат. И так будет повторяться бесконечно. Ибо что наша жизнь? Страдание, отречение от лучших мечтаний и бесконечное смирение.. Мир обманчив: сулит наслаждение, а дает горечь. Сколько разбитых надежд и разочарований переживает каждый. Сколько мы видим вокруг страданий, унижений, слез... Так не лучше ли сразу погасить свое сердце и расстаться с миром?— Посмотрев на Никиту с лаской и печалью, Амвросий устало закончил:— Желая тебе душою, умудренной опытом: садись за стол в тихой келье, зажги свечу и склонись над книгой.. И будет с тобой свет и неизменная радость. Поверь, другого счастья в жизни не бывает. Цель мудрого— спокойствие души.. Знаешь ли ты «Элегию» митрополита Стефана Яворского?

Никита качнул головой:

— Не-ет...

— Незадолго перед кончиной Стефан Яворский написал стихи, в которых с великой печалью прощается с книгами... Он называет их «своей единственной усладой, раем, животворным светом и красотой...»

Неужели это действительно так? Неужели Амвросий прав и счастье можно найти лишь в отречении от жизни?

Никита посмотрел на открытую книгу, лежащую перед ним, перелистнул страницу... Погруженный в свои грустные размышления, он не заметил, как про-

изнес вслух: «Но ведь и Гораций сказал когда-то: «Чем больше будет каждый себе отказывать, тем больше дадут ему боги...»

— Ты что? Сам с собой разговариваешь?! — окликнул его сидящий рядом с ним Саня.

Никита вздрогнул, смущенно посмотрел на Саню и сказал, улыбнувшись:

— С Амвросием...

— Еще не легче! Лучше бы учебник открыл. Экзамены на носу. Все, как обычно, ждут от тебя блистательных и глубоких ответов...

— Скажи: как жить дальше?

— Что ж делать-то, дорогой ты мой Никита?! Как бы то ни было, а надо жить... Не грусти... Все пройдет. Время врачует раны... Вспомни-ка еще раз своего любимого Горация: «Пусть и горек час — не всегда так будет...»

НА ДАЧЕ СПАССКОГО МОНАСТЫРЯ

В мае 1797 года веселая толпа грамматиков, философов и длинных великовозрастных богословов собралась под окнами ректорской квартиры в Спасском монастыре. По старинному семинарскому обычаю, они затянули песню, прося освободить их от занятий. С разрешения префекта этот ритуал семинаристы проделывали каждой весной. И каждый раз ректор давал им увольнение на один день.

Как обычно, этот день они проводили вместе с учителями под Казанью, на даче Спасского монастыря. В прежние времена сюда к ним непременно приезжал и преосвященный, который любил гулять с учениками под сенью деревьев, ведя с ними ученые беседы и испытывая их таланты. Но нынче многое переменилось...

В начале апреля архиепископ Амвросий присут-

ствовал на коронации императора Павла в Москве. После торжественной церемонии государь выразил желание совершить путешествие по Волге и посетить Казань. Преосвященный срочно вернулся, чтобы приготовиться к высочайшему посещению. Под руководством учителя Бориса Герасимовича Поликарпова, который вот уже два года преподавал поэзию, в семинарии началось сочинение стихов «по случаю всерадостного в Казань прибытия его императорского величества».

Вот почему в этот майский день Никита, Саня и Вася Весновский не принимали участия в играх. Укрывшись от шумных семинаристов в высокой траве, они предавались сочинительству.

— Готово!— радостно сообщил Вася.

— Ну-ка, прочти!

Тряхнув кудрявой головой, Вася поднял вверх руку и громко выпалил:

Гремя торжественно казанские науки,
Простерши радостно к монарху руки...

— Ты же эти стихи стащил!— возмутился Никита.— Что-то похожее в семинарии уже сочиняли... Кажется, к приезду императрицы Екатерины.

— Ну и что?! Только ты один и догадался! А вот я думаю, не взять ли еще кое-что у Державина? Он как раз по поводу восшествия Павла на престол специальные стихи написал...

— Сочиняй сам и не мешай нам!— толкнув его в бок, сердито проворчал Саня.

Не обращая на него внимания, Вася отложил в сторону бумагу и, мечтательно устремив глаза куда-то вдаль, сказал:

— Вот я, сын пономаря из Свяжского уезда, побывал в свите Амвросия на коронации в Москве. Вок-

руг блеск, роскошь, придворные красавицы... И что ж? Кого в те дни вспоминал?! Таню Саблукову! Есть в ней что-то особенное, какая-то неизъяснимая прелесть... Выражение лица меняется непрестанно: то она весела, то грустна... Черные глаза горят, как звезды... Всегда или с книгой, или за фортепьяно... Мне кажется, наш казанский поэт Каменев к ней равнодушен. Так и вижу его у Саблуковых: Таня играет на фортепьяно, а Каменев неподалеку — в кресле; его лицо, отнюдь не лишенное привлекательности, затуманено чувством, в глазах слезы, смотрит на нее и что-то шепчет, шепчет...

— Он свои стихи шепчет, глядя на всех барышны! А слезы льет от того, что они с Челноковым в трактире возле Черного озера через день сидят и философствуют,— с некоторым раздражением возразил ему Саня.

— Никита грустит, Весновский, по своему обыкновению, балагурит, а Саня, вероятно, успевает делать и то и другое,— сказал, подойдя к ним Поликарпов.— Ну, а как поживает ваша поэтическая лира? Не порадуете ли стихами?

Как всегда, первым откликнулся Вася:

Сколько ногти ни грызу и тру лоб вспотелый,
С трудом стишка два сплету, да и те неспелы...

— Похвально, что ты столь отменно знаком с сатирами Кантемира. Ну, а где же твои собственные оды и мадригалы?

— Ведь весна, Борис Герасимович!— в притворном отчаянии воскликнул Вася.— В лапту бы сейчас поиграть...

— Помнится, в прошлый раз, когда мы все усердно сочиняли поздравления ко дню рождения преосвященного Амвросия, у тебя был отличный мадригал,

у Сани — эпиграмма. О Никите и говорить нечего. Его стихи на греческом и чувашском языках, его поэма «Сон» — едва ли не лучшее украшение сборника, который мы преподнесли его высокопреосвященству. А нынче? Ведь пишем в честь самого императора. Извольте трудиться. Отговорок не принимаю.

Посмотрев на них со всей серьезностью, на какую был способен, Поликарпов ушел.

— И что про нового царя писать? Подскажи, Саня! Тебе он, кажется, по нраву пришелся?

— А как же! Из крепости Новикова освободил, вернул из Илимской ссылки Радищева... Снова разрешил французский язык, запрещенный на столь долгий срок из боязни разрушительной силы французской философии...* Не начнется ли теперь новая жизнь?!

— Брось обольщаться! — сказал, подняв голову от тетради, Никита. — Это ж новый царь назло матушке покойной делает — и только. А Радищев — вот увидишь! — теперь в своей деревне еще больше под полицейским надзором будет, нежели в Илимске. О переменах и не мечтай! Помнишь, небось, слова Княжни-на: «Самодержавие повсюду бед содетель...»? Надеяться на милость царей — пустое!

— Ну, раз так — я лучше посплю! — весело заявил Саня и, прикрывшись от солнца кожаным картузом, уже через минуту сопел носом.

— А вон и Павлуша Протопопов сюда спешит, — Вася вскочил на ноги. — Пойду-ка погуляю с ним, а то, боюсь, как бы тоже не оказаться в объятиях Морфея... Поэзия нынче на меня что-то наводит сильную дремоту!

Весновский убежал, а Никита, отложив в сторону тетрадь, загрустил. Думал ли он, что его ждут новые

---

* Преподавание французского языка было запрещено с августа 1794 по апрель 1797 гг.

горькие испытания? Но недаром говорят, что зло в повозке скачет, а добро пешком ходит. Новое тяжкое горе обрушилось на него: скончалась матушка. Только закрывает глаза — сразу встает перед ним ее усталое, изнуренное болезнью лицо, звучит тихий голос: «Сыночек! Не забывай отца, сестренку своих и братишку... Вся надежда на тебя. Ты самый сильный у нас в семье. Будь же для них опорой...»

Сестры вышли замуж и уехали с мужьями-священниками в дальние приходы. Просторно стало в родном доме, остались в нем лишь отец да шестилетний Илюшка.

Отец недавно приезжал в Казань: вызывали по делам в консисторию. Сердце болит за него. Горе сделало его стариком, а ведь ему нет еще и пятидесяти. Только что был крепким и сильным, а ныне: сутулая спина, седые волосы, дрожат руки... Решил идти в монастырь, но беспокоится за Илюшку. Просил помочь определить его на казенный счет в семинарию.

Монастырь... Никита и сам не оставлял о нем мысли...

— Ну, много ли сочинил? И на каком языке — латинском, греческом, русском или чувашском? — раздался насмешливый голос Сани. Он проснулся и лежал, раскинув руки по траве, безмятежно глядя в голубое небо. — Учти, Никита, от тебя ждут более всех. Ведь ты один среди нас способен поэмы сочинять!

— Но только в честь Амвросия. Он заслужил. Отдает всю жизнь просвещению. А нынешний-то царь, слышал, как к наукам относится?

— Как?

— Когда великий Ломоносов скончался, Павел высказался с откровенностью, которая немало всех изумила: «Нечего дурака жалеть — казну только разорял и ничего не сделал!»

— Чего ж нам тогда пыхтеть-то? Поднимайся, друг сердечный!— Саня засмеялся и вскочил на ноги.— Пойдем-ка лучше погуляем до захода солнца!

«ТРУДИСЬ УМОМ СВОИМ...»

После воскресной службы в Петропавловском соборе Саня, как всегда, направился к Саблуковым, а Никита — в семинарию. Он помогал Поликарпову составлять книжный каталог.

— Я тут одно сочинение для тебя отложил,— встретил его Поликарпов.— Вот, послушай-ка,— он открыл лежащую перед ним книгу и с удовольствием прочел: «Надлежит нам стараться довольно узнать языки тех народов, которые между нами внутри пределов единого отечества обитают и составляют часть общества нашего...» А дальше?! С каким чувством говорится, что довольно одной той пользы от изучения народов, населяющих Россию, «чтобы сим способом показать им и вперить в них мысли, что они суть члены тела нашего, что они наши сограждане и что мы их иначе и не почитаем...» Хорошо сказано, а?

— Это «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка». Написана сия книга более двадцати лет назад в нашей семинарии, а напечатана в Петербурге, при Российской Академии наук...

— Все-то ты знаешь!— засмеялся сидевший за столом Челноков.— А известно ли тебе, о чем писал славный наш историк Татищев? С горечью указывал он, что шведы, желая просветить лапландцев, напечатали книги на их родном языке. В России же для мордвы, чувашей и других, населяющих ее народов, ничего подобного не сделано...

— Будут и у нас книги на родном языке,— с уверенностью сказал Никита.

— Будут и теперь, вероятно, скоро,— вмешался в их разговор Поликарпов.— Ректор сегодня мне сказал, что в семинарии собираются ввести преподавание чувашского языка. Работы много для нас всех, но для тебя, Никита, особенно. Так что, друг мой, «трудись умом своим»! Это говорит тебе не древний поэт, а твой современник — Карамзин.

— Говорят, преосвященного переводят в Петербург?— поинтересовался Челноков.

— Похоже, что это действительно случится,— с сожалением подтвердил Никита.— Скоро и слова сказать будет не с кем!

— Кроме Амвросия ты никого и знать не хочешь! Ведь все равно он нынче в Казани редкий гость. Император то и дело его в Петербург вызывает... Много ли ты его сейчас видишь? Лучше бы к Саблуковым сходил! Сколько раз тебя Саня к ним звал!

— Не хочу быть посмешищем в дворянской гостиной!

— Слишком много в тебе самолюбия,— покачал головой Челноков.— Смири гордыню-то... Ежели сам не согнешься, жизнь согнет...

— Подожду сгибаться,— усмехнулся Никита.— Хочу сохранить, как говорил юдин мудрец, «наше единственное достояние — человеческое достоинство».

— Ну, ладно уж вам, ладно...— Поликарпов примирительно посмотрел на них.

Челноков неожиданно поднялся и двинулся к выходу.

— Пойду-ка я лучше прогуляюсь...

Глядя ему вслед, Никита с неожиданной ясностью вдруг увидел, как он за последнее время постарел и осунулся.

— Вот его-то жизнь согнула,— с грустью сказал Поликарпов, когда захлопнулась дверь за Челноковым.— Начальство им весьма недовольно: много воль-

нодумства и к тому ж пристрастен к горячительным напиткам... Терпели, пока писал историю Казанской семинарии — кроме него, кто еще сей кропотливый труд осилит?! А теперь сочинение закончено... Одним словом, не сегодня-завтра уволят со службы нашего общего друга... А тут еще ты со своей молодой непримиримостью... Как говорится, «вложил персты в язвы...»

Никита огорчился:

— Хоть бы вы меня за рукав дернули, Борис Герасимович!

— Сам не маленький. Старайся видеть чужую боль... Ежели не знал до сей поры, то знай, что продвижению по службе скорее сопутствуют тупость, подлость, жадность и себялюбие, нежели ум, доброта и совесть... Ну, ладно. Помогать-то мне сегодня ты собираешься?

— Собираюсь! Буду записывать книги, которые подарил библиотеке Амвросий.

— Да ведь их много. Не поскупился преосвященный! Одних исторических сочинений около ста томов. А еще философия, география, медицина, словари... На чем писать думаешь? Бумага-то у нас совсем кончилась. Сходил бы в лавку, а? На-ка вот деньги.

Никита вышел на улицу. Гостиный двор, расположенный рядом, был сильно поврежден от пожаров еще со времен Пугачева, но многие лавки торговали. Забежав в одну из них, Никита быстро купил бумагу и совсем было собрался выйти, но, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, обернулся. Возле прилавка стояла стройная, красивая, изящно одетая девушка. Ее широко раскрытые глаза смотрели на него с каким-то радостным изумлением. Казалось, она вот-вот кивнет ему головой. Почти не сознавая, что делает, Никита шагнул ей навстречу, но, тут же с отчетливой ясностью ощутив всю нелепость этой сце-

ны, резко повернулся, рванул дверь и выскочил на улицу.

«То сам с собой разговариваю, то... Лучше и не вспоминать!»— Никита досадливо поморщился и ускорил шаг.

Но странное дело: проходил день за днем, а он все не мог забыть эту незнакомую девушку. Сквозь привычный строй грустных мыслей снова и снова вспоминал ее радостные глаза, порывистое движение, которое она сделала ему навстречу. «Обозналась,— грустно решил Никита.— В Казани у меня, вроде бы, ни одной знакомой девушки нет...»

ВСТРЕЧА НА БУЛЬВАРЕ

Однажды тихим ясным вечером друзья решили погулять по бульвару возле Черного озера.

— Ба, ба, приветствую семинарскую музу!— слегка пошатываясь, им навстречу шел молодой человек. Съехавший набок пудренный парик, расстегнутый кафтан и темные круги под опухшими глазами— все говорило о том, что он пьянствует уже не первый день.— Что ж ваши стихи? «По случаю всерадостного в Казань прибытия его императорского величества»?! Ведь царь, сказывают, лишь на будущий год осчастливит нас своим присутствием!

— Стихи напечатаны в Москве при университетской типографии,— не без удовольствия сообщил Саня.

— Поздравляю!— молодой человек сделал попытку облобызать Саню.— И еще раз от всей души поздравляю!

— А с чем еще?— удивился Саня.

— Как это с чем? На голову восхищенных россиян, как из рога изобилия, сыпятся благодеяния...

Слава богу, указом императора у нас теперь все равны. И дворянин, и купец, и поп... И мужик! У всех теперь есть надежда отправиться на тот свет под кнутом*. О дорогое, любезное сердцу отечество!..

Молодой человек сморщился, делая вид, что собирается всхлипнуть.

— Позвольте напомнить вам, сударь, что слово «отечество» из обращения изъято **, — улыбнувшись, заметил Никита.

— О-о, совершенно верно! Виноват, — молодой человек, перестав актерствовать, с интересом посмотрел на Никиту. — Однако ж мне очень нравится его лицо! Лоб ученого, а глаза... глаза горят, как у поэта! Кто же он?

— Никита Яковлевич Бичурин, студент богословия, — представил друга Саня и, повернувшись к Никите, радостно выпалил: — А перед тобой наш знаменитый казанский поэт Гаврила Петрович Каменев!

— Ошибаешься, братец, — жалкая улыбка пробежала по лицу Каменева. — Я не поэт, а бедный странник, которому нигде нет пристанища... Но осталось недолго. Скоро, скоро отправлюсь я в свой последний путь. Туда, где не нужны ни паспорт, ни подорожная... А только

Надгробный камень там белеет,
Под ним ваш друг несчастный тлеет, —
Слезой его почтите прах...

Друзья! — вдруг воскликнул Каменев, показывая широким жестом на трактир, стоявший неподалеку. —

---

* 3 января 1797 года указом императора Павла дворяне, купцы, именитые граждане и бедное духовенство подвергались телесным наказаниям наравне с людьми «подлых» сословий.

** Указом императора Павла ряд слов из обращения изъялся: например, вместо слова «отечество» предписано было употреблять «государство».

Приглашаю вас посетить сей храм и выпить за мою дальнюю дорогу!.. Ха-ха-ха!..

Он захохотал так громко, что проходившая мимо старушка присела от страха и перекрестилась.

— Нет, мы торопимся, Гаврила Петрович,— покачал головой Саня.

— Что ж, прощайте!— Каменев повернулся и нетвердой походкой пошел к трактиру.

Друзья с грустью смотрели ему вслед.

Внезапно к Каменеву быстро подошел высокий, хорошо одетый мужчина средних лет.

— Заметил, какое умное лицо?— шепнул Саня Никите.— Это Савва Андреевич Москотильников, близкий друг нашего поэта.

— Вот где я тебя, наконец, нашел!— с этими словами Москотильников обнял Каменева за плечи и, ласково уговаривая, повел за собой.

— Ты видел сейчас самых интересных людей, живущих нынче в Казани!— торжественно воскликнул Саня.— Я тебе, конечно, про них не раз говорил, да разве ты меня слушаешь!.. Стихи Каменева в нынешнем году в Москве напечатаны. Большой талант, а гибнет у всех на глазах...— Саня грустно покачал головой.— А Москотильников?! Могучий ум, кладезь познаний! В иных обстоятельствах он мог бы управлять государством.

— Да, особенно тяжело на Руси поэтам. Третьяковского вельможи избивали, Сумароков умер в нищете и одиночестве — лишь два человека провожали его гроб... Княжнин погиб под пытками, а лучшую его книгу сожгли,— с дрожью в голосе произнес Никита.

— Ну, полно тебе горячиться, уж очень ты близко все к сердцу принимаешь!— Саня положил руку на плечо друга.— Пойдем-ка лучше со мной в гости! Лаврентий Павлович Саблуков тебя очень приглашает. Послушаем музыку. Павлуша Протопопов на

скрипке играет, а Таня — на фортепьяно. Ты же так любишь музыку! На днях Саблуковы получили новые ноты из Москвы — Гайдн, Моцарт... Может, ты робеешь перед Лаврентием Павловичем? Но ведь он добрейший человек! Нюхает табак, потчует пирогами, до которых сам большой охотник, и не устает восхищаться сочинениями Жан-Жака Руссо... Между прочим, и Таня тебя вспоминала. Предлагала заниматься с нами французским языком. Мы его, признаться, изрядно подзабыли, пока он был под запретом. А для Тани французский язык как родной... Так что ж, пойдем? Сколько можно тебя уговаривать?! Вокруг интереснейшие люди, события, а у тебя на уме лишь книги, книги... Можно ли так себя ограничивать? Если бы наш разговор услышал Москотильников, он бы непременно сказал тебе словами своего любимого Торквато Тассо: «И если ты доволен этой жизнью, то потому, что ты другой не знаешь...» Кстати, представь себе, ты ведь Тане очень понравился.

— Не сочиняй! — отмахнулся от него Никита. — Мы же с ней незнакомы.

— Могу доказать обратное! — Саня засмеялся. — Она видела тебя на диспуте. Как появился ты в белом хитоне, с венком на голове да с лавровой ветвью в руках, все казанские барышни заволновались! А Таня даже попросила переписать ей в альбом твои стихи:

Зелены на горах кусты,
В долине желтые цветы;
Все восхицало там меня,
На все смотрел с весельем я....

И еще был случай... На прошлой неделе она тебя в какой-то лавке за покупками увидела. Сказывает, что чуть не подошла к тебе... Право, Никита, хватит дичиться.

«Так вот кто была та незнакомая девушка!..»

Сердце Никиты тревожно забилося. Чтобы скрыть волнение, он отвернулся.

— Ну, что? Согласен?!

И неожиданно для самого себя Никита выпалил:

— Согласен!

ВЕЧЕР У САБЛУКОВЫХ

— Торквато Тассо — великий поэт, бродяга, безумец... Его жизнь горестна и мрачна, а стихи божественно прекрасны! Я почел бы себя счастливейшим из смертных, если бы смог перевести их. Но как?— Москотильников в шутовском отчаянии развел руками.— Для сей высокой цели мои познания в итальянском языке слишком несовершенны.

— Ах, голубчик,— сочувственно посмотрев на него, воскликнул Лаврентий Павлович,— переведите, как умеете, хотя бы с французского. «Краток жизни срок, а желаньям жадным нет числа»,— сказал еще Гораций. Надо уступать своим желаньям, иначе счастья не увидишь!

— А что такое счастье?— высоко поднял брови Москотильников.— Слава? Но был ли счастлив Александр Македонский, увенчавший свое имя блестящими победами? Разве не он позавидовал мудрости нищего Диогена?! Может быть, богатство? Власть? Нерон был сказочно богат: Все его желанья, капризы, прихоти тут же исполнялись. И что же? Как часто он плакал, дрожал от страха, в отчаянии раздирал на себе платье...

— Помилуйте, Савва Андреевич, как может быть счастлив бесчеловечный тиран, убийца матери и брата?

— Но ведь он обладал всем, к чему так стремят-

сыя люди в погоне за фортуной: богатством, властью, молодостью, красотой... И даже талантами к искусствам!

— Надеюсь, вы говорите несерьезно?— голос Лаврентия Павловича задрожал от возмущения.— Нерон — это «чудовище на троне», как называли его энциклопедисты. Ведь оттого он и раздирал на себе платье, что, как все тираны, был окружен ненавистью и позором. Ведь оттого он и плакал, что, как все тираны, не знал искренней привязанности и верности...

— Греки называли счастье сном,— пробормотал дремавший в кресле Каменев и, покачав головой, повторил:— Увы, лишь кратким сном...

Рассеянно прислушиваясь к их разговору, Никита просматривал новый журнал. Внезапно между страницами мелькнул листок бумаги с какими-то записями. Никита машинально прочел:

Весь день горю, страдаю и томлюсь —

И час не в силах вынести разлуки.

Хочу, чтоб вы пришли,

И вас боюсь...

Неволью вы — виновник страшной муки...

Дальше все было перечеркнуто и лишь внизу тем же тонким красивым почерком торопливо написано: «Если бы сердце могло говорить, но оно только замирает или бьется быстро-быстро... А у меня нет более слов, кроме одного, которое так трудно и страшно сказать даже самой себе,— люблю...»

Охваченный чувством неловкости и смятения, Никита торопливо захлопнул журнал, положил его на место и, подняв глаза, окончательно смутился: на него внимательно смотрела Таня.

Встретившись с ним взглядом, она улыбнулась и подошла:

— Хотите, я угадаю, о чем вы сейчас думаете? Совершенно растерявшись, Никита мучительно покраснел и неловко буркнул:

— Надеюсь, вам это не удастся.

— Отчего ж?! Подозреваю, что вам было скучно слушать этот разговор?

— Какой?

— О смысле жизни, счастье... Слишком много веков человечество обсуждает эти вопросы. Может и наскучить!

— А что размышлять?— вступил в разговор Москотильников.— Земля — обитель скорби и печали. Жизнь бессмысленна, трагична и несправедлива. Так было во все времена. И пока никому еще не удавалось ничего изменить.

— А Прометей?— глаза Никиты загорелись.— Он спас людей от гибели, подарил им огонь, познакомил с науками. Сделал их умнее, сильнее, счастливее...

Москотильников посмотрел на него с недоумением:

— Но ведь это всего лишь миф...

— К тому же, не забывай,— заметил Саня, не отрываясь от книги,— боги жестоко наказали Прометея: пронзили грудь копьем, приковали к скале. И каждый день орел острыми когтями терзал его внутренности.

— Так что же? Дрожать от страха и, боясь наказания, мириться с несправедливостью? Ежели мир плох, долг каждого стремиться его улучшить. Для того и даны человеку сердце, разум, науки, просвещение!

— Сколь отрадно встретить юношу, подобного вам,— взглянув на Никиту потеплевшими глазами, сказал Москотильников.— Вы совершенно правы: со злом надо бороться. Люди, рождаясь среди горя и отчаяния, совершают подвиги, стремясь сделать жизнь светлее... В их сердцах жив огонь Прометея. И как не

вспомнить здесь священное для России имя Радищева? И его слова о том, что лишь тот достоин «величественного наименования сына Отечества», кто готов отдать не только все силы, но, если надо, жизнь для блага своего народа...

— Нет, геройство — это не для меня! — с притворным ужасом замахал руками Саня. — Я с теми, кто «золотой середине верен». Так любили говорить древние, и я охотно повторю вслед за ними:

Пусть не дает мне судьба ни высшей доли, ни низшей,
А поведет мою жизнь скромным срединным путем...

— А я за героев! — воскликнула Таня и радостно посмотрела на Никиту.

— Танюша! — окончательно развеселился Саня. — Представляю, что ты сегодня напишешь о Никите в своем дневнике: «Его прекрасное лицо дышало вдохновением, глаза горели огнем...»

— У меня нет никакого дневника!

— Ну, в стихах. Признайся, стихи-то ты ведь пишешь?

Таня покраснела и, ничего не сказав, отвернулась.

— Дочка! — кинув неодобрительный взгляд на Саню, окликнул ее Лаврентий Павлович. — Ты права. И скептицизм некоторых молодых людей здесь вовсе неуместен... Я тоже за героев! — Он торжественно поднял палец: — Более тридцати лет назад великий Руссо бесстрашно произнес слова, которые останутся в веках: «Человек рожден свободным, а, между тем, везде он в оковах...» Книги Руссо вдохновили Французскую революцию, с ними не расставался Робеспьер. Сражаясь за свободу, равенство, братство, герои революции погибли. Но именно они знали истинное счастье! Власть, слава, богатство — все это прах и тлен. Человеку надо иметь высокую цель, которая бы, как горящий факел, освещала его существование. Иначе жизнь пуста!

УРОК ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Склонив голову немного набок, Таня старательно читала вслух французскую книгу. Чтобы ее ученику было все понятно, она произносила каждое слово медленно и отчетливо.

На Спасской башне заиграла музыка. «Уже полдень,— с досадой подумал Никита.— Как быстро мчится время у Саблуковых! Часы проносятся подобно мгновениям...»

Таня отодвинула книгу в сторону и, кинув быстрый взгляд на Никиту, спросила:

— Вы опять меня не слушаете? А, Никита Яковлевич?

Таня была права. Он, действительно, ее плохо слушал. Занятия с ней были для него и радостью, и мучением. Сидя рядом с Таней за разбором французской грамматики или чтением, Никита подчас так волновался, что с трудом понимал, о чем она ему толкует.

— А Саня все твердит, что вы — лучший ученик в академии.* Даже греческий язык, столь трудный для многих, вы усвоили с легкостью,— с напускной строгостью выговаривала Таня своему ученику.— Но я бы не сказала этого о французском!

Никита удрученно молчал.

— Может быть, у вас нет условий?— голос Тани несколько смягчился.— Я слышала, что ваши ученики часто шумят, ссорятся и даже дерутся друг с другом. А ведь занятия науками требуют сосредоточенности и уединения.

— Ежели любишь науку,— Никита неожиданно улыбнулся,— заниматься можно где угодно. О древне-

---

* В 1798 году Казанская духовная семинария была преобразована в академию.

римском ученом Плинии Старшем говорили, что он мог читать и в дороге, и в бане, и за обедом.

— Но вы, насколько мне известно, пока еще не Плиний Старший! Поэтому переведите-ка мне лучше вот эту строчку,— показала Таня.

Никита склонился над книгой.

— Молодые люди, мы вам не помешали?— в дверях стояли, тесня друг друга, Лаврентий Павлович и Саня.

— Нет, урок сейчас закончится.

— Каковы успехи?— подойдя к ним, поинтересовался Лаврентий Павлович.

— О, Никита очень способный ученик! С ним так легко заниматься,— поторопилась ответить смутившаяся Таня.

— Ну-ка, ну-ка, что вы сейчас читаете?— Лаврентий Павлович взял одну за другой книги, лежащие на столе:— О-о, Вольтер, Монтень... Литература прекрасно подобрана. Молодец, дочка! Эти сочинения можно читать и перечитывать, они достойны того, чтобы стать вечными спутниками жизни.

— Кстати, мы пришли с новостью, к которой весьма подходит знаменитое изречение Вольтера: «Все к лучшему в этом лучшем из миров!»— воскликнул Саня.

— Какая же это новость?— с любопытством спросила Таня.

— У нас скоро будет... Отгадай, что? Театр! Император при посещении Казани пришел в совершеннейший восторг от пения крепостных помещика Есипова. И разрешил ему открыть новый публичный театр!*

Таня захлопала в ладоши, вскочила со стула и закружилась по комнате:

---

* Любительский театр актера Бобровского был закрыт в 1796 году (в связи с кончиной императрицы Екатерины II).

— Театр! Театр! Как я рада!

— Итак, свет просвещения все более озаряет Казанский край!— Лаврентий Павлович открыл табакерку, достал щепотку табаку, понюхал и с наслаждением чихнул.— А теперь, мои дорогие друзья, оставляю вас. Молодость должна быть с молодостью!

Лаврентий Павлович вышел из комнаты.

— Танюша, не утомилась ли ты, читая столь серьезных авторов?— участливо спросил Саня.— Помнится, прежде ты любила стихи?

— Книжки должны нравиться ученику, а не мне! К тому же, у Монтеня, как тебе должно быть известно,— живой французский язык. Такой, каким говорят на улице! А стихи я и сейчас люблю! Вот, послушай:

Уже за холм высокий скрылось
Светило дневное в водах,
И поле тьмой ночной покрылось,
Луна сияла в небесах...

— Ну, этот великий поэт мне хорошо знаком,— хмыльнулся Саня.— Никита Бичурин! Но, может быть, ты что-нибудь еще иногда читаешь?

Таня подбежала к полке и, сняв одну из книг, прижала ее к груди.

— А вот чего!

— Небось, «Удольфские тайны» Анны Рэдклифф?

— Не угадал!

— «Влюбленный дьявол» Жака Казота?

— Нет! Нет!

— Что ж тогда?— Саня подошел к ней и взглянул на обложку:— А-а, стихи Сумарокова!

— Вижу, ты разочарован!

— Конечно. «Влюбленный дьявол» куда интереснее! Кстати, коли уж зашла речь о Казоте, слышали вы, что он умел предсказывать будущее?

— А ты веришь в предсказания?

— А почему же нет?

— Тогда давайте погадаем!— вдруг предложила Таня.

— А как?

— По стихам. Ну, вот хоть по Сумарокову.

— Ты первая и начинай!

— Ладно!

Таня зажмурила глаза и, открыв наугад книгу, ткнула пальцем в середину страницы.

Саня торжественно прочел:

Стыд из сердца выгнать страсть мою стремится,

А любовь стремится выгнать стыд.

В сей жестокой брани мой рассудок тьмится,

Сердце рвется, страждет и горит...

— Да ты никак влюбилась, Танюша?!— принялся дразнить ее Саня.— Вон у тебя здесь и цветочек засушенный лежит. Видно, это стихотворение тебе по сердцу. Не скрывай от старого друга — скажи!

— Вот еще глупости!— Таня смутилась и попыталась отнять у Сани книгу.

— Ой-ой!— Саня с шутливым испугом попятился, спрятав книгу за спиной.— Мы, кажется, сейчас подеремся. И все из-за любви!

— Ах, что ты понимаешь в любви!— с досадой махнула рукой Таня.

— Догадываюсь кое о чем!— Саня торжественно поднял палец, как это часто делал Лаврентий Павлович, и с важностью сказал:— Бог любви Эрот, сын прекрасной Афродиты,— веселый, шаловливый, но подчас и коварный мальчик! Он способен приносить людям не только блаженство, но и жестокие страдания...

— Никогда ты не бываешь серьезным!— рассердилась Таня.

По лицу Сани пробежала тень. Он перестал шутить, задумался. Потом заговорил:

— Любовь... Как будто бы всем это чувство знакомо, а ведь каждый понимает его по-своему. Мне нравится, как об этом рассказывали в Древней Греции... Когда-то мужчины и женщины не существовали отдельно, а жили, соединенными в одном существе. Они были так могущественны, что посягали даже на власть богов. В наказание разгневанный Зевс рассек их пополам. И вот с той поры каждая половина с тоской, страстью и надеждой ищет другую. Трудно найти им друг друга, но когда находят... вот тогда и бывает истинная любовь!

— А вы что скажете?— обратилась вдруг Таня к Никите.

Беспомощно взглянув на нее, Никита молчал.

— И о чем тут много-то рассуждать?— заметив неловкость друга, Саня поспешил его выручить:— У сердца свои законы, перед которыми разум бессилен... Любишь — так любишь, не любишь — так не любишь!.. И пора тебе знать, Танюша, что отсутствие красноречия — первый признак искренних чувств!

...Каждый раз, возвращаясь от Саблуковых, Никита долго не мог успокоиться. Вспоминал и вспоминал... Все нравилось ему в их доме: и веселая доброта его обитателей, и книги, многие из которых были ему даже неведомы, и французский язык, звучащий здесь так живо и непринужденно, и суета любительских спектаклей, и музыка, главное — музыка... Целыми вечерами, не шелохнувшись, он мог слушать, как Таня играет на фортепьяно. Под музыку утихала боль пережитого, рождались новые мечты и надежды, с которыми, казалось, он давно расстался...

Таня... Как часто он теперь повторял это имя, оставаясь один!

Кому предназначались стихи, которые он случайно увидел в журнале? И эти жгучие, пронзительные строчки, приписанные внизу? Ведь их написала Таня — теперь-то он хорошо знает ее почерк...

И почему, почему она так странно все время на него смотрит? В ее взгляде было что-то непонятное, притягательное, волнующее... Иногда ему казалось, что она хочет ему что-то сказать или спросить.

Никита и сам не мог понять, что с ним происходит, что его так мучает и тревожит. Он не понимал еще, что это за чувство. Но ему уже трудно было представить хоть на миг свою жизнь без этой удивительной, своенравной и такой красивой девушки...

ОКОНЧЕНА АКАДЕМИЯ

Прошел год. Никита закончил духовную академию и был оставлен при ней преподавателем. Наконец-то желанная свобода! Наконец-то ушла в прошлое нелегкая бурсацкая жизнь. Никита решил посвятить жизнь науке, заняться исследованием истории чувашского народа, его языка. Он мечтал издать чувашские песни, сказки, поговорки, загадки, записанные им во множестве еще в отроческие годы. Планов было немало, работы хватит на всю жизнь. И во всех его мечтах о будущей жизни теперь неизменно присутствовала Таня...

Он так берег свое чувство, так долго не признавался в нем даже себе, даже Сане! Впрочем, Саня, кажется, догадывается. Он все время над ним подшучивает. Надо бы открыться ему. Только Саня с его умом и чуткостью способен дать ему правильный совет. В области чувств он намного проницательнее и тоньше. К тому же, он ведь знает Таню с детских лет.

Пусть скажет ему прямо, пусть не щадит — можно ли надеяться?

Долго не мог решиться Никита, все откладывал разговор. Но случай помог ему.

Однажды, когда они гуляли по саду, Саня обратился к нему с неожиданным вопросом:

— Слушай-ка, друг сердечный! Не пора ли тебе жениться?!

Никита покраснел.

— А что?— весело продолжал Саня.— Хватит монаха-то изображать! Одна Танина подружка очень на тебя заглядывается... Сам видел! И как это у тебя получается? Вечно мрачный, погружен в какие-то свои размышления, не иначе, как о судьбах мира, а успеваешь завоевать сердца всех красивых женщин. Ведь вот и Таня от тебя в восторге! Воистину путь к женскому сердцу никому неведом. Прав, прав был этот греховодник Овидий, когда писал: «Того, кто их избегает, женщины любят сильнее!»

Никита мрачно посмотрел на друга.

— Ну, брат, глаза у тебя сверкают, как у разбойника!— засмеялся Саня и обнял Никиту за плечи.— А вот я тоже тебя очень люблю! И поэтому хочу прямо спросить: чего ты тянешь? Академию закончил блестяще, оставлен при ней. Теперь тебе недостает только одного: подруги жизни и домашнего очага! А то посмотри, на кого ты стал похож—бледнеешь, краснеешь...

— Саня!— Никита повернул к нему взволнованное лицо.— Раз уж ты заговорил об этом... Я давно хотел с тобой посоветоваться...

— Какое торжественное начало!— начал было снова шутить Саня, но, взглянув на друга, осекся:— Что случилось-то? Говори скорей, не томи!

— Саня! Скажи мне правду,— Никита помолчал и затем, как будто бросившись в омут головой, реши-

тельно спросил:— Как ты думаешь, согласилась бы Таня стать моей женой?

Саня, растерянный и потрясенный, в отчаянии посмотрел на друга:

— Как?.. Разве ты не знаешь?! Не понял? Ведь уже давно решено, что, как только я закончу академию, мы с Таней поженимся...

Ничего не ответив, Никита стремительно зашагал к воротам. Казалось, он едва сдерживается, чтобы не побежать.

— Постой, постой, Никита!— догнал его Саня.— Не торопись так... Надо поговорить!

— Оставь меня... Дай побыть одному,— не останавливаясь, глухо бросил Никита.

— Не оставляю я тебя! Об этом даже не думай!

Никита не отвечал, только шел все быстрее и быстрее. Чтобы не отставать от него, Сане приходилось почти бежать. Долго ходили они так по казанским улицам, не говоря друг другу ни слова. Наконец Никита остановился.

— О чем ты хочешь со мной говорить?

— Никита!— тяжело дыша от быстрого шага и стремясь поскорее все сказать, начал Саня:— Послушай меня! Мы оба слепые... Особенно я... Впрочем, чего кривить душой, замечал я. Ведь Таня стала совсем другой с той поры, как ты появился в их доме... Глаз с тебя не спускает. И в ее взгляде есть что-то такое... На меня она так никогда не смотрела.

— Саня! Чего ты меня мучаешь? Ведь все ясно!

— Ничего ясного!

— Дружба превыше всего. Я хочу, чтобы ты был счастлив!

— А я что ж? Хочу тебе горя?!— возмущился Саня.— Пойми, теперь дело вовсе не в нас и не в наших чувствах. Теперь должна решать Таня. Кого она выберет, тот и будет счастлив...

— А другой?

— Другой...— Саня помолчал и вдруг решительно сказал:— Другой пусть идет в монастырь! Согласен?

Никита хмуро молчал.

— Чего молчишь? Ты же сам сколько раз в монахи собирался. Ничего страшного... Приняв после академии монашеский постриг, далеко пойти можно. Прямо в архиереи. Думаю, что такой иерарх, как ты или я,— все еще пытался шутить Саня,— мог бы украсить ученостью, красотой и бескорыстием любую епархию... Ну, так что?

— Все это как-то несерьезно... Пахнет ребячеством,— устало сказал Никита.— Но ты, верно, прав. Другого выхода нет. Так будет справедливо. Подождем, когда ты закончишь академию.

...Саня закончил академию в начале 1800 года. И так же, как и Никита, был оставлен при ней преподавателем.

Больше молчать не было смысла. И они открылись во всем Тане. Вначале она была так потрясена, что не захотела с ними ни о чем говорить. Но прошло несколько дней, и Таня велела передать, что ждет их.

РЕШИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Раздались знакомые легкие шаги, и в комнату вошла Таня. На побледневшем от волнения лице ее глаза казались огромными. В белом шелковом платье, с высокой прической из искусно уложенных густых черных локонов, она показалась Никите повзрослевшей и необыкновенно прекрасной.

Стараясь побороть неловкость, Таня смущенно улыбнулась:

— Что ж, так и будем о чувствах втроем разговаривать?

— У нас нет тайн друг от друга, — твердо сказал Саня.

— Но, может быть, есть у меня?!

Прошло несколько томительных секунд, показавшихся им бесконечностью. Друзья краснели и бледнели, переминаясь с ноги на ногу и не зная, на что решиться. Наконец, слегка поколебавшись, Никита двинулся к двери.

— Не уходите, Никита, — кинув на него быстрый взгляд, решительно сказала Таня. — Я хочу поговорить сначала с вами.

Растерянно посмотрев на них, Саня вышел из комнаты.

И вот они остались одни. Было тихо. Оба молчали, боясь нарушить напряженную тишину.

Никита вздрогнул — заиграли стоявшие в углу старинные бронзовые часы.

Таня отошла к окну и, не оборачиваясь, быстро проговорила чуть хриплым от волнения голосом:

— Сколько бессонных ночей провела я, думая о вас... Сколько раз писала вам письма, стихи и туг же рвала их... Впрочем, одно из моих признаний вы, кажется, видели. Я забыла его случайно в журнале. Чего скрывать? Меня тянет к вам, тянет неудержимо. Это чувство сильнее меня. И я устала с ним бороться...

Таня стремительно повернулась. В ее глазах было столько боли, что Никита, ничего не понимая, кроме того, что ей плохо, шагнул к ней.

— Не подходите!

Никита остановился, глядя на нее преданными послушными глазами.

— Может быть, вы сами этого не чувствуете, — голос Тани зазвенел, — но вы... вы необыкновенный человек. Талантливый, умный, красивый, сильный. Увидев вас, нельзя остаться равнодушной. Но вы...

Я не нахожу слов... Вы как пожар! Быть с вами — это гореть вместе или погибнуть в огне. А я обыкновенная девушка. И от жизни мне хочется того, чего вы так не любите, — «золотой середины», тихого семейного счастья. Разве оно возможно с вами? — Таня прикусила губу, снова отвернулась и почти шепотом закончила: — А для Сани во мне — вся жизнь. Вы сильный, а он... он не сможет прожить без меня ни одного дня...

Никите хотелось крикнуть: «Я тоже не могу жить без вас!», но он промолчал и неожиданно для себя подумал, что в словах Тани была какая-то правда. Всецело, всем существом отдаться семье он не мог. И действительно, будет ли с ним счастлива Таня? Ему стало стыдно — в своих мечтах он думал только о себе. Таня права. Полного, настоящего семейного счастья он дать ей не сможет. Так пусть будут счастливы двое столь дорогих и любимых им людей...

— Вы правы. Будьте счастливы, — глухо сказал он, повернулся и решительно зашагал к двери.

— Пойдите!

Он собрал всю свою волю, чтобы не оглянуться.

— Пойдите, Никита!

Таня подбежала к нему и, пытаясь удержать, судорожно схватила за руку.

Никита повернулся. Никогда еще это милое, столь любимое им лицо не было так близко. Ее глаза были полны слез, губы испуганно дрожали. Привстав на цыпочки, она обхватила его шею руками и, по-детски всхлипнув, прижалась щекой к его лицу.

Никита замер, боясь пошевелиться. Ему показалось, что он сейчас задохнется от сильного толчка в сердце. Это было счастье, истинное счастье, о котором он едва смел мечтать...

И, забыв все разумные доводы, он стал покрывать поцелуями ее мокрое от слез лицо...

— Не надо,— как будто издалека услышал он жалобный виноватый шепот.— Милый Никита, не надо...

Таня слегка отстранила его от себя.

Никита смотрел на нее в отчаянии.

Не в силах встретиться с ним взглядом, она отвела глаза. Ее лицо, руки, плечи поникли.

— Мне стыдно за себя, Никита. Простите. Я не стою вашего сердца. Я плохая. Слабая, холодная и рассудочная. Пощадите меня — уходите...

С трудом заставив себя повернуться, шатаясь и плохо осознавая происходящее, Никита вышел.

ПРОЩАЙ, ЮНОСТЬ!

Проглотив с необыкновенной быстротой булку, которую ему купил Никита, Илюшка сердито буркнул:

— Не хочу учиться в бурсе!

— Почему?— улыбнулся Никита.

— Я в гусары пойду!

— На гусара-то ведь тоже учиться нужно! Беги-ка лучше спать. Уже поздно.

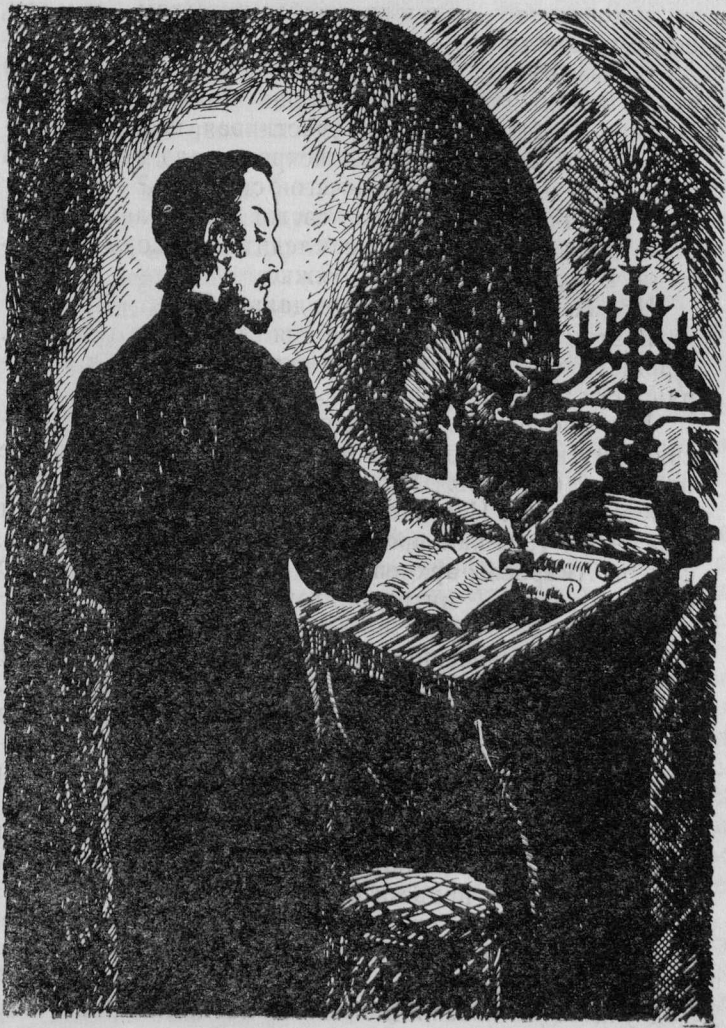
Илюшка убежал.

Глядя ему вслед, Никита вспомнил свою первую встречу с Саней. Разговор был почти таким же. И лет Сане было тогда почти столько же, сколько сейчас Илюшке.

Саня... Как редко они теперь видятся — только по служебным делам.

Никита сморщился, как от боли, резко повернулся и быстро зашагал к себе. Жил он неподалеку, при академии, в специальном корпусе, отведенном для преподавателей.

Взбежав на второй этаж, он вошел в комнату и, вздохнув с облегчением, сразу лег на кровать. Теперь

© 1910 by the Rev. Fr. J. J. ...

он мог всецело отдаться своим чувствам, мыслям, воспоминаниям...

В нынешнем году его лучшие друзья Саня и Таня стали мужем и женой. Теперь они Саня и Таня Карсунские. Теперь у них своя, счастливая, новая, отдельная от него жизнь. Он был искренне рад за них. Но приходится к ним в дом — чего скрывать? — не мог себя заставить. Слишком свежи были раны. Надо было держаться настороже, следить за своими чувствами. В их доме ему было тяжело.

Что же делать? Как жить дальше?

В этом году ему исполняется двадцать три года. Прощай, юность! Он стоит на пороге жизни — в растерянности и одиночестве...

Как плохо, как жаль, что нет с ним более Амвросия! Ему не нужно было бы и рассказывать. Он все понимал без слов. Никита так привык к его уму, доброте, ласке. И сейчас ему так не хватает его. Вот уже скоро год, как преосвященный покинул Казань. Теперь Амвросий архиепископ, — а поговаривают, что скоро будет и митрополитом, — в далеком Петербурге.

И Вася Весновский тоже в Петербурге, преподает в духовной академии при Александро-Невской лавре. После увольнения уехал в Москву Челноков. И даже Ивана Денисова нет рядом. Так и не окончил академию. Убоявшись бездны премудрости, определился в дьяконы...

Куда пойти? Нет двери, в которую можно было бы постучать; нет человека, от которого можно было бы услышать слова приветия и участия...

Отец сам едва справляется с горем. Ушел в Чебоксарский Троицкий монастырь — «по вдовству и собственному желанию». А Илюшка еще мал. Второй год учится на казенном коште в академии. Дали ему фамилию Фениксов. «Понятия довольно хорошего,

поведения похвального» — так пишут о нём в учебных ведомостях.

Опустело для Никиты село Бичурино. Неужели он больше никогда не проснется в яблоневом саду? Неужели для него нет больше на земле места, куда мог бы он всегда возвратиться, что бы с ним ни случилось? Где всегда были бы ему рады?

Уже давно наступила ночь, а Никита все лежал без сна и думал, думал... Где же теперь его дом? Где же теперь его счастье?

Нет, ему, видно, опять не уснуть. Никита встал, зажег свечу. Снял с полки книгу, сел за стол. Но сразу понял — читать не сможет. Воспаленные от постоянной бессонницы глаза болели. На сердце было тяжко и пусто.

Судьба безжалостно отняла у него самое дорогое, чем живы люди: любовь и дружбу. В его прошлом — одни лишь горькие потери.

«И зачем мне жить-то на свете, не пойму», — прошептал он в отчаянии. Что хорошего может ждать он от будущего? Так стоит ли цепляться за те несколько десятков лет, на которые он может, вероятно, еще рассчитывать?

Но ведь тем и отличается человек от всего сущего на земле, что перед ним всегда есть выбор. Еще древние говорили: если жизнь лишилась смысла и стала в тягость, человек имеет право уйти из нее. Кажется, об этом хорошо сказано у Сенеки: «Единственное, за что мы не можем пожаловаться на жизнь: она никого не держит. И если тебе плохо, ты можешь вернуться туда, откуда пришел...» Надо бы посмотреть точнее, как там написано...

Никита встал и подошел к книжной полке. Между книгами стояла маленькая нарядная пугане. Ему показалось, что ее голубые бусинки-глазки засияли ему навстречу теплом и нежностью... Неожиданно для

себя он улыбнулся и произнес вслух, обращаясь к пугане:

— Давай-ка почитаем вместе, что нам посоветует Сенека насчет нашей бренной жизни?

Он снял с полки небольшой томик в сафьяновом переплете, который подарил ему перед отъездом Амвросий. Открыл там, где была закладка, сделанная им когда-то, и прочел: «Я предпочитаю воевать с судьбой, чем быть ее любимцем. Пусть я страдаю, но переносу страдания мужественно...» Никита нетерпеливо перелистнул несколько страниц: «Раз ты отправился в долгий путь, естественно, что тебе придется и спотыкаться, и уставать, и призывать на помощь смерть... Иной раз потеряешь своего спутника, иной раз, напротив, найдешь его... Среди таких невзгод люди совершают тернистый путь жизни. Надо быть на все готовым. Надо знать, что пришел туда, где гремят громы...»

«Где гремят громы!» — повторил про себя Никита. И ему стало стыдно, как будто кто-то близкий уличил его в малодушии.

Вряд ли удастся кому-нибудь на этой земле прожить без страданий. Счастье — редкостный драгоценный дар, удел немногих избранных судьбы... Так стоит ли о нем даже мечтать?

Никита положил книгу на полку и только тут заметил, что наступило утро. Он погасил свечу и подошел к окну. В ярких солнечных лучах сверкали кресты и луковки казанских храмов, высоко в небо взлетала стройная башня Сююмбеки...

Так что же ему делать? Как жить дальше? С кем посоветоваться?..

Никита отошел от окна и снова сел за стол, обхватив голову руками.

БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМ ОТЕЧЕСТВУ

Выйдя из книжной лавки, куда, по своему обыкновению, он заходил почти ежедневно, Никита решил прогуляться. Улицы были полны народа. Все стремились к единой цели — к берегам Булака, где открылась ярмарка и началось ежегодное гулянье.

С наслаждением вдыхая свежий весенний воздух, Никита, не торопясь, дошел до ближайшего поворота и вдруг остановился как вкопанный: из переулка прямо на него вышли Саня и Таня Карсунские. Глядя в глаза друг другу и никого не замечая вокруг, они увлеченно и доверительно разговаривали о чем-то своем. Так и не взглянув на него, прошли мимо.

А Никита, бледный как полотно, стоял и стоял, глядя им вслед, не в силах двинуться.

— Никита Яковлевич! — кто-то положил руку ему на плечо.

Никита вздрогнул и резко обернулся.

Перед ним, добродушно улыбаясь, стоял Москотильников.

— Добрый день! Несказанно рад вас видеть.

— Добрый день, — неловко пробормотал Никита. Не очень-то ему хотелось сейчас кого-нибудь видеть.

— А мы с Гаврилой Петровичем часто вас вспоминаем. Куда вы пропали? Здоровы ли? На вас лица нет...

— Здоров, — с трудом выдавил из себя Никита и, боясь новых расспросов, посмотрел в сторону.

— Ах, дорогой мой, — забеспокоился Москотильников, — страшусь говорить на эту тему, она столь деликатна... Но равнодушным остаться не могу...

— Простите, Савва Андреевич, но мне надо идти, — сморщившись, как от боли, проговорил Никита и, быстро кивнув головой, попытался тронуться с места,

— А мне как раз в ту сторону. Разрешите проводить вас?— и, не дожидаясь ответа, Москотильников осторожно взял его под руку.

Они пошли по улице вместе.

— Вы можете сколько угодно сердиться, но послушайте меня... Я хочу, чтобы вы знали, что у вас есть друзья... Поверьте: человеку нельзя оставаться одному.

Никита угрюмо молчал.

— В молодости часто кажется, что судьба к нам особенно жестокосердна. Но можете не сомневаться, впереди вас ждет еще многое, в том числе и счастье,— Москотильников слегка наклонился вперед, пытаясь заглянуть Никите в глаза.— Да, да! Именно счастье, хотя сейчас вам трудно в это поверить...

Никита принужденно улыбнулся.

— Вот так-то уже лучше,— обрадовался Москотильников и, немного помолчав, задумчиво проговорил:— Мне хочется рассказать вам одну старинную историю, случившуюся с человеком, которым я безмерно восхищаюсь... Как и вы, он был молодым ученым и поэтом. Как и вам, ему исполнилось примерно двадцать три года. Однажды он встретил в церкви во время утренней службы прекрасную женщину, которая с первого мгновения пленила его сердце. Она была замужем, имела детей... Как говорил сам поэт, «славная своими добродетелями», она не ответила на его чувство. При встречах едва кивала головой. Но он любил ее всю жизнь. Даже тогда, когда лицо ее покрылось морщинами, а волосы стали седыми. Даже тогда, когда она умерла. Любил, благословляя «и год, и день, и час» этой встречи, благословляя «боль и слезы», которые принесло ему это чувство. И всю жизнь он сочинял стихи, посвященные ей...

Москотильников помолчал некоторое время и затем, бросив лукавый взгляд на Никиту, продолжал:

— Признаться, с той поры прошло много времени — почти пятьсот лет! Однако божественно прекрасные сонеты Петрарки, воспевающие любовь к Лауре, по-прежнему дарят людям ни с чем не сравнимое наслаждение... Не правда ли, судьба трудная, но достойная и благородная, освещенная огнем высокого чувства?! Без сомнения, эта история вам хорошо знакома... Для чего я ее вспомнил? С единственной целью — напомнить об одной еще более известной истине: любовь, как бы трагически она ни складывалась, должна вдохновлять на творчество, на великие свершения. Смысл жизни заключен в служении обществу. Вам даны большие способности, вы можете стать выдающимся ученым, быть полезным отечеству... Дерзайте, творите! Торопитесь, дружок! Жизнь коротка... Что может быть великолепнее человеческого разума, открывающего законы природы? Что может быть прекраснее науки?

Никита шел молча, по-прежнему хмурый и задумчивый. Неясно было даже, слушает ли он своего спутника.

— Никита Яковлевич! Не узнаю вас! Разве не вы произносили пламенные речи о Прометее? Сознаюсь вам, что в тот вечер, когда я услышал ваши вдохновенные слова, мне было тяжело на душе... Вы внесли светлый луч в мою жизнь, пробудили надежду. Может быть, поэтому я столь многоречив сейчас. Простите, ежели надоел...

— Полно, Савва Андреевич, напротив, я глубоко признателен вам за доброжелательность и терпение, которые вы проявили, говоря со мной. Это я должен просить прощения за отсутствие простейшей любезности, необходимой в общении...

— Об этом не думайте, дорогой мой! Надеюсь, вы не зароете свой талант в землю, надеюсь и свято верю, что ваше имя составит гордость отечественной науки!

А теперь позвольте откланяться. Не смею более затруднять вас своим присутствием. Милости прошу к себе в любое время.

Савва Андреевич с чувством пожал Никите руку и быстро удалился.

Оставшись один, Никита еще долго бродил по улицам. Пройдя Арское поле, он забрел в городской сад и, почувствовав усталость, присел на скамейку под старой липой.

«Самая постыдная жалость — жалость к самому себе», — это, кажется, говорил кто-то из древних. Люди, которые ему дороги, счастливы, так неужели ему хотелось бы, чтобы было иначе? Ведь истинное чувство желает блага любимому человеку, а не себе... Милый, добрый Савва Андреевич! Умница и мечтатель... А ведь он прав. Наука — вот чему он должен отдать свое сердце. И снова ему вспомнился давний совет преосвященного Амвросия: постричься в монахи, отрешиться от всего суетного, земного, отдаться целиком науке и книгам, только книгам. Лишь в них то счастье, которое всегда с тобой, которое никогда не обманет и не предаст... Совет Амвросия странным образом совпал с тем договором, который у них был с Саней. Что ж, уйти в монахи — это еще не самое плохое, что нас ожидает в жизни. Говорят, Вася Весновский тоже собирается принять пострижение и отправиться не то в Испанию, не то в Турцию. Хорошо бы и ему уехать отсюда куда-нибудь далеко-далеко. Здесь ему слишком тяжело, слишком многое напоминает о пережитом.

Жизнь устроена плохо и несправедливо. Но если это так, то кто же сделает ее лучше? Кто же, если не человек?

Трудиться, отдавая все силы, бороться за справедливость, за счастье людей, «за утверждение наук в Отечестве», как любил говорить Ломоносов, — вот

в чем состоит его долг, вот что станет главной целью его жизни.

Он еще будет счастлив!

Никита вздохнул свободно, с облегчением.

Разве это не радость — познавать мир? Разве это не счастье — отдавать свои знания людям, быть полезным родине?

Никита встал со скамейки, расправил плечи и, забыв об усталости, быстро, легко зашагал навстречу солнцу, ветру, веселому пению птиц, шуму деревьев, синему небу... Навстречу жизни.

...18 июля 1800 года Никита Яковлевич Бичурин, молодой учитель грамматики Казанской духовной академии, был пострижен в монахи. Не стало более привычного имени. Нет более Никиты Бичурина. Теперь он на веки вечные, до гробовой доски — отец Иакинф.

Но это еще было лишь начало пути. Это были первые шаги в жизнь.

Еще много горестного и радостного ожидало его. Еще не однажды придет к нему отчаяние. Но будут и победы, и радости свершений, и новые надежды. Он стоял на пороге долгой, трудной, увлекательной и яркой жизни. Жизни большого ученого, труженика, мужественного и страстного борца, благородного человека. Истинного сына Отечества.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Если бы нашелся смельчак	8
Колдун Харамза	12
В лесу	16
Пугане	20
Майпике	22
Дружба	27
Тревожная ночь	31
Маттур!	33
Учись, сынок!	36
Бурса	38
Саня Карсунский	41
Новые друзья	44
Ученик класса риторики	48
Запретная книга	53
Дед Данила	57
Любовь	61
Бабушка Шерпике	65
«Прекрасны летни дни...»	68
Письмо	71
В родительском доме	74
В сумерках	78
Последняя песня	82
Грустные мысли	86
На даче Спасского монастыря	89
«Трудись умом своим...»	94
Встреча на бульваре	97
Вечер у Саблуковых	101
Урок французского языка	105
Окончена академия	110
Решительный разговор	113
Прощай, юность!	116
Быть полезным Отечеству	121

**Для старшего и среднего школьного
возраста**

Эльвира Федоровна Кузнецова

НАЧАЛО ПУТИ

Документальная повесть

Редактор З. В. Филиппова
Художник А. А. Макаров
Художественный редактор А. А. Афиногенов
Технический редактор А. Ф. Никитина
Корректор А. И. Елисина

Сдано в набор 14/II-1979 г. Подписано к печати 28/IV-1979 г.
НТ 31311. Формат 70×108/32.
Бумага типографская № 1. Физ. печ. л. 4,0.
Усл. печ. л. 5,60. Учетно-изд. л. 5,39.
Заказ № 1245. Тираж 10000 экз.
Цена 15 коп.

Чувашское книжное издательство,
Чебоксары, пр. Ленина, 4.

Типография № 1 Управления по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров Чувашской АССР,
Чебоксары, Канашское шоссе, 15.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Наша книга познакомила вас с детскими и юношескими годами выдающегося ученого-востоковеда. Более полное представление о жизни Никиты Яковлевича Бичурина вы будете иметь, прочитав еще одну книгу о нем,— роман ленинградского писателя Владимира Николаевича Кривцова «Отец Иакинф» (Лениздат, 1978).

15 коп.

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕБОКСАРЫ — 1979